Г. И. ВЕРГУНСКІЙ

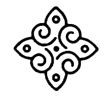
ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

НОВЫЙ САДЪ
РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

Г. И. ВЕРГУНСКІИ

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

НОВЫЙ САДЪ
РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

Ђорђе
Портаноки-

ПРЕДИСЛОВІЕ

Если кто, при чтеніи этихъ моихъ разсказовъ, исполненныхъ злой сатиры, улыбнется, я скажу:

— Слава Богу!

Но, если кто, наоборотъ, уронитъ одну-другую слезу, то я тоже скажу:

— Слава Богу! — ибо плачъ очищаетъ душу человѣка.

Авторъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА

I

Вѣтеръ гудѣлъ. Маленькая рѣченка Луганка полыхалась, рябилась и кое-гдѣ пылью разлеталась по воздуху.

Густой камышъ шумѣлъ и волнами игралъ надъ берегами. Скрипѣли старыя вербы. Плакала лоза, пригибаясь лицомъ къ самой водѣ. Небольшая коса бѣлѣла пескомъ у обрыва, а по ней важно расхаживала цапля, иногда останавливаясь и чутко оглядываясь по сторонамъ. Бѣгали съ пискомъ кулики. Черная большая ворона, летя по вѣтру, громко каркала. И было не страшно, а весело отъ этого шума и гама кругомъ.

Солнце золотымъ шаромъ играло вверху среди клочковатыхъ, быстро несущихся, тучъ, и обливало своими раскаленными лучами старую мельницу у плотины, ливаду и нарядный домикъ богатѣя мельника Захара Сабадухи, бѣлѣющій среди зеленѣющаго пышнаго сада.

На ливадѣ, подъ большой раскидистой грушей, лежали, прямо на травѣ, молодой псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ Соколовскій и Елена, дочь мельника — стараго Захара, учительница мѣстной церковно - приходской школы. Лежали вплотную,

причемъ псаломщикъ обнималъ Елену и прижималъ сильно ее къ себѣ, до боли, до оцѣпенѣнія суставовъ рукъ.

А она, вся налитая, сдобная, красивая съ черными глазами, горѣвшими страстью и зноемъ, безвольно подчинялась бурнымъ и грубымъ его ласкамъ и чувствовала, что падаетъ въ пропасть, откуда возврата нѣтъ и не будетъ.

И когда псаломщикъ опрокинулъ ее на спину и шаловливый вѣтеръ разметалъ ея шелковыя юбки, обнажая розовыя, точеныя ноги, она вскрикнула и сама притянула его къ себѣ безстыдно и властно, чувствуя горячія искры, летящія по тѣлу.

II

И съ тѣхъ самыхъ поръ пропалъ псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ Соколовскій.

Собственно говоря не пропалъ, а потерялъ самого себя, къ несказанному удивленію Отца Ивана Срѣтенскаго, настоятеля Веселогорскаго прихода.

Прежде всего псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ пересталъ бывать во всѣхъ интеллигентныхъ домахъ большого села Веселогорскаго и особенно въ тѣхъ, гдѣ были барышни-невѣсты не изъ мужичекъ, въ родѣ Елены, дочери какого то мельника.

Затѣмъ повелись другія странности.

То онъ увлекался рыбной ловлей и всѣ дни проводилъ на рѣкѣ и чаще всего у старой мельницы, то охотой и съ дешевымъ одноствольнымъ пистоннымъ ружьемъ билъ куликовъ на косѣ все у той же мельницы, а то однажды заявилъ всѣмъ, что готовится въ духовную академію и хочетъ при-

нять иноческій чинъ, почему, набравъ изъ библіотеки отца Ивана всякихъ гомилетикъ, литургикъ и основныхъ богословій, шелъ зубрить подъ тихій покровъ той-же мельницы.

— Что тамъ за магнитъ такой? — удивился отецъ Иванъ, слыша ежедневно отъ церковнаго сторожа Касьяна, что псаломщикъ на мельницѣ, когда онъ приказывалъ позвать его къ себѣ для совершенія требъ.

— Гдѣ вы были? — накидывался въ такихъ случаяхъ отецъ Иванъ на Онисима Харитоновича, смиренно подходившаго подъ благословеніе.

Тотъ степенно отвѣчалъ:

— Рыбку ловилъ по примѣру святыхъ апостоловъ и размышлялъ о величіи Божіемъ.

— Почему вы вообще нигдѣ больше не бываете? Вчера станового пристава дочь Вѣра жаловалась, а она окончила гимназію и невѣста.

Отецъ Иванъ хмурился и сердито сопѣлъ.

— И, вообще, смѣшно въ вашихъ лѣтахъ вести такой образъ жизни и особенно студенту духовной семинаріи и кандидату въ пастыри церкви.

— Что-же я сдѣлалъ зазорнаго?

Отецъ Иванъ, въ душѣ добрѣйшій человѣкъ, не находилъ, конечно, никакихъ данныхъ къ обвиненію псаломщика, но, какъ отецъ двухъ дочерей, окончившихъ епархіальное училище и мечтающихъ быть попадьями, подъ вліяніемъ ихъ и своей злой матушки Серафимы, рѣзко возражалъ:

— Но вами всѣ недовольны!

Онисимъ Харитоновичъ, молча, кусалъ губы, стараясь сдержать бѣшенство, кипѣвшее въ душѣ, и болѣзненно думалъ:

— Какое имъ дѣло до моей личной жизни? Какое?

Такіе разговоры происходили почти ежедневно, и постепенно въ отношеніяхъ между псаломщикомъ и отцомъ Иваномъ образовалась трещина.

Какъ-то само собой случилось такъ, что они перестали разговаривать другъ съ другомъ, и, по

молчаливому соглашенію, приступали обычно прямо къ совершенію нужныхъ требъ.

Но однажды отецъ Иванъ заговорилъ снова и первый.

III

Перебирая вечеромъ почту, привезенную изъ города Касьяномъ, отецъ Иванъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на одинъ пакетъ, на которомъ былъ штемпель „Екатеринославская духовная консисторія".

Вверху на уголкѣ стояло: „срочное".

— Что бы это значило? Неужели доносъ на меня былъ владыкѣ? Отъ кого-же и за что?

Онъ дрожащими руками держалъ конвертъ и не рѣшался вскрыть.

— Прямо изъ консисторіи... Неладное въ немъ. Три дня назадъ, когда былъ у благочиннаго, онъ ничего мнѣ не сказалъ, но по лицу я видѣлъ, что онъ что-то про меня знаетъ...

Отецъ Иванъ, тучный человѣкъ, взопрѣлъ весь, и рубаха, облѣпившая ему спину и животъ, причиняла прямо физическую боль.

— Да что-же я въ самомъ дѣлѣ!

Отецъ Иванъ перекрестился и робко вскрылъ письмо.

Быстро глотая глазами содержимое, онъ облегченно вздохнулъ и громко весело позвалъ:

— Маты!

Вошла худая, стройная матушка Серафима, и сѣрые глаза ея недовольно посмотрѣли на отца Ивана.

— Ну, что тамъ такое?

— Да ты почитай, а потомъ нукай, и читай обязательно вслухъ.

Матушка взяла листокъ бумаги и внятно, вибрирующимъ голосомъ, прочла:

„Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Симеонъ, Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, соизволили приказать, дабы окончившій Екатеринославскую духовную семинарію со званіемъ студента псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ Соколовскій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, со дня полученія сего, женился на дѣвицѣ, достойной занять положеніе жены священнослужителя, послѣ чего прибылъ бы въ городъ Екатеринославъ для рукоположенія въ санъ іерея. Благоволите объявить означенному Соколовскому подъ расписку милостивое архипастырское на сіе благословеніе и неукоснительно объ исполненіи донесите въ кратчайшій срокъ.

Членъ духовной консисторіи
Протоіерей Ивановъ.
Секретарь
Надворный Совѣтникъ Каменскій."

— Ну, и, дуракъ, — вспылила матушка, прочитавъ письмо. — Вмѣсто того, чтобы привлечь въ домъ такого выгоднаго жениха, ты съ нимъ окончательно разссорился.

— Кто-же виноватъ? — нерѣшительно возразилъ отецъ Иванъ. — Ты, Соня и Надя заѣли меня съ требованіемъ, чтобы я съ нимъ не разговаривалъ, доколѣ не исправится.

— Доколѣ, — передразнила матушка и гнѣвно прикрикнула на присмирѣвшаго отца Ивана:

— Молчи!

Отецъ Иванъ виновато повелъ своими богатырскими плечами, тряхнулъ вьющимися черными съ просѣдью волосами и, робко кашлянувъ, сказалъ:

— Серафимочка, можно все еще поправить...

— Долженъ поправить, разъ желаешь счастья своимъ дочерямъ!

Матушка Серафима задумчиво прошла по кабинету отца Ивана и послѣ минутнаго размышленія совсѣмъ другимъ, задушевнымъ, теплымъ и ласковымъ голосомъ тихо, почти шопотомъ, заговорила:

— Ну, пойми, Ваня, этотъ Соколовскій красивъ какъ богъ, одинъ изъ лучшихъ окончившихъ семинарію, почтительный, не пьющій и не курящій, сынъ благочиннаго, хотя и другого уѣзда. Гдѣ-же можно найти лучшую партію для одной изъ нашихъ дочерей?

— Да, видно и изъ приказанія владыки, что далеко пойдетъ... Не иначе въ городскіе батюшки его мѣтитъ. Удивительно, полгода не прошло по окончаніи имъ курса семинаріи, а ужъ іерейство предлагаютъ. Вонъ въ Суходолѣ псаломщикъ два года сидитъ изъ окончившихъ и ни отвѣта, ни привѣта.

Отецъ Иванъ грузно поднялся съ кресла и застѣнчиво взялъ за руку матушку Серафиму.

— Ну, — засмѣялась та, обнажая бѣлые сохранившіеся зубы и играя кошачьими влекущими глазами.

— Серафимчикъ!

— Вотъ дурень... Ха-ха-ха!..

Матушка въ своемъ угасающемъ бальзаковскомъ возрастѣ, была настолько зажигательна, чарующа и интересна, что отецъ Иванъ поперхнулся и смущенно, краснѣя, какъ школьникъ, пролепеталъ:

— Охъ, Серафимчикъ!

— Глупости, — нахмурилась та, — подумай лучше, какъ Соколовскаго къ дому приручить.

— Знаешь что, — нашелся отецъ Иванъ, — я съ нимъ завтра переговорю подробно и кромѣ того у меня другой еще есть планъ. Безъ духовника округа, протоіерея отца Петра, намъ никакъ не обойтись. Имѣетъ Владиміра — дворянинъ. Сынъ у него студентъ Императорскаго лицея. Жена сына — помѣщица, богатѣйшая въ уѣздѣ. Самое-же главное, что съ владыкой Симеономъ въ Казани въ одно время учились: отецъ Петръ въ университетѣ, владыка въ духовной академіи, и были оба закадычными друзьями...

— Вотъ умница, — похвалила матушка Се-

рафима и сочно поцѣловала въ губы сіяющаго отца Ивана.

— Завтра-же и поѣзжай къ нимъ, да возьми двѣ корзины раковъ большихъ. Любятъ они. Сама видѣла, какъ за сто раковъ жена сына отца Петра, Екатерина Львовна, на базарѣ бросила два серебряныхъ рубля и сдачи не взяла. Гордая!

— Сейчасъ Касьяну прикажи, чтобы волочкомъ у камышей по рѣкѣ побродили Серега Лысый и Гаврило Большакъ. Десять копѣекъ дамъ и по рюмкѣ водки.

— Скажу, — пропѣла матушка Серафима.

IV

Подъ оживленный, вызывающій смѣхъ Сони и Нади, дочерей отца Ивана, очень красивыхъ, нарядно одѣтыхъ, псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ, по приказанію отца Ивана, шелъ для объясненія въ его кабинетъ.

— Онисимъ Харитоновичъ, а вы въ монахи идете? — смѣялась сѣроглазая, стройная, какъ лоза, злая и насмѣшливая Надя — копія матушки Серафимы.

Онисимъ Харитоновичъ, пунцовый, какъ роза, застѣнчиво отбивался:

— Навѣрное пойду въ университетъ, не хочу въ академію.

— Что? — ужаснулась Соня, пышная, съ классической фигурой богини Авроры, и серьезно добавила, — идите къ папа, онъ вамъ пропишетъ университетъ.

Соколовскій нерѣшительно постоялъ у дверей кабинета отца Ивана и, наконецъ, кашлянулъ.

— Входите, давно жду!

Тучная фигура отца Ивана показалась у по-

рога, и руки Онисима Харитоновича потонули въ мягкихъ ласковыхъ его рукахъ.

— Давно не были... Все охотой и рыболовствомъ занимаетесь?

Онисимъ Харитоновичъ смущенно молчалъ.

— Хорошее дѣло... Я самъ въ молодости любилъ пострѣлять. Одинъ разъ билъ по бекасу, а попалъ въ невыразимыя мѣста... Ибо по своему скудоумію она принимала грязевую ванну отъ ревматизма въ нашемъ болотѣ по рецепту военнаго фельдшера Сверчка. Подлецъ былъ этотъ Сверчокъ, сколько людей погубилъ!

Отецъ Иванъ улыбнулся и громко приказалъ:

— Мать, приготовь закусить и выпить, дорогой гость пришелъ.

Матушка Серафима, словно нечаянно, появилась тутъ-же.

— И безъ твоего крика вижу, что пришелъ будущій протоіерей.

Она засмѣялась, а потомъ серьезно сказала:

— Посвяти Онисима Харитоновича во всѣ велѣнія владыки, а я приготовлю все, что надо, и шипучаго вина поставлю... Такой сегодня великій для него день. Помнишь и у насъ былъ такой.

Онисимъ Харитоновичъ хлопалъ глазами и ничего не понималъ.

Когда матушка Серафима, шелестя накрахмаленными юбками, ушла, и послышался потомъ изъ столовой звонъ тарелокъ и стукъ ножей и вилокъ, отецъ Иванъ, хитро прищуривъ лѣвый глазъ, протяжно скавалъ:

— Вотъ такъ бумаженкаааа!

И подалъ Онисиму Харитоновичу приказъ изъ консисторіи.

V

Летали паутины. Глубокая осень стояла на югѣ Украйны, гдѣ до зимы далеко, но и не было яснаго теплотворнаго лѣта.

Солнце, какъ и всегда, ходило по небу, какъ и всегда зеленѣли поля, но лѣса, сады и рощи — все больше желтѣли.

Падали листья, сдуваемые вѣтромъ, то шаловливымъ ласковымъ, то злобнымъ и грубымъ.

Но на мельницѣ стараго Сабадухи была неизмѣнно чарующая весна въ сердцахъ Елены и Онисима Харитоновича, и ничто не могло потушить ее.

— Леля, — будешь черезъ три мѣсяца попадьей, — говорилъ Онисимъ Харитоновичъ, сидя въ просторной парадной комнатѣ дома Сабадухи.

— Врешь, Оникъ, архіерей не благословитъ: я крестьянка.

— Вотъ, чудачка, въ приказѣ сказано, чтобы была дѣвица, достойная занять положеніе жены священнослужителя.

— Ну и трудность-же занять такое положеніе, — разсмѣялась Елена... — Положеніе всякой жены одинаково: терпѣніе передъ мучителями!

— Ха-ха-ха, — захлебнулся смѣхомъ Онисимъ Харитоновичъ и привлекъ къ себѣ Елену. Цѣлуя ея красивое лицо, онъ восторженно говорилъ:

— Зоренька ты моя, ласточка, рыбочка серебряная, голубочка, солнышко...

— Все лижетесь, — намѣренно грубо сказалъ вошедшій Сабадуха и за ухо потрепалъ Елену.

— Завтра, отецъ, я поѣду къ отцу Петру — духовнику округа и попрошу благословенія на бракъ съ Лелей, а потомъ буду священникомъ. Благословляешь?

Онисимъ Харитоновичъ любовно посмотрѣлъ на мельника.

— Боюсь дѣти, что вамъ помѣшаютъ коло-

кольные дворяне. А самъ я васъ обоихъ одинаково люблю и отъ души благословляю. Только мнѣ одному вдовцу жизнь хуже смерти будетъ безъ васъ.

Старый Сабадуха поникъ головой и задумался.

— Вотъ, чудакъ, старый, — покровительственно сказалъ Онисимъ Харитоновичъ, — а я возьму и попрошусь сюда-же вторымъ священникомъ. Два года вакансія таковаго свободна. Что и говорить, отцу Ивану не по душѣ будетъ, доходы уменьшатся на половину, но что-же дѣлать: не я, такъ другой! Зато вмѣстѣ всѣ будемъ.

Старый мельникъ привлекъ къ себѣ Онисима Харитоновича и спокойно отвѣтилъ:

— А не позволятъ и такъ проживемъ. Елена броситъ школу, да лучше хозяйствомъ займется, ты мнѣ помощникъ. Кромѣ мельницы у насъ триста десятинъ чернозема, пасѣка, небольшой лѣсокъ. Проживемъ, съ Божьей милостью.

И всѣ трое радовались и были счастливы.

А паутины попрежнему летали надъ землей, словно серебряныя нити, среди осенняго прелестнаго дня, и всѣ знали, что это символъ бабьяго лѣта, счастливаго лѣта...

VI

Отецъ Иванъ Срѣтенскій несказанно былъ удивленъ, когда по дорогѣ къ отцу Петру, духовнику округа, его обогналъ на караковомъ красавцѣ-конѣ въ тюльбери псаломщикъ Онисимъ Харитоновичъ Соколовскій.

Конь рвался впередъ, брызгая пѣной. Онисимъ Харитоновичъ сдерживалъ его на шелковыхъ вожжахъ и добродушно пѣлъ на мотивъ извѣстнаго канона: „Вотъ Богъ тебя храни, гонителю фараону не уподобляйся!..“

При видѣ отца Ивана, онъ церемонно поклонился и, шевельнувъ вожжами, какъ птица, понесся впередъ, оставивъ далеко позади себя своего настоятеля.

— А конь-то Сабадухи!

Отецъ Иванъ ударилъ себя по головѣ и сразу все понялъ.

— Елена! — горько крикнулъ онъ.

— Ась? — обернулся сторожъ Касьянъ.

— Дуракъ, — вспылилъ отецъ Иванъ, — погоняй!

— Такъ вотъ откуда и любовь къ рыбной ловлѣ по примѣру апостоловъ... Ахъ, грѣховодникъ! И ружейная охота на куликовъ, и размышленія о величіи Божіемъ. Подожди-же!

Отецъ Иванъ грузно повернулся на тарантасѣ, отъ чего тотъ жалобно заскрипѣлъ и накренился на одну сторону.

VII

У отца Петра былъ самъ предводитель дворянства Строевъ, когда пріѣхали гости: псаломщикъ Соколовскій и отецъ Иванъ Срѣтенскій.

И отъ того, что отецъ Петръ изъ свѣтскихъ людей и съ университетскимъ дипломомъ былъ съ предводителемъ на „ты", и что сынъ его красавецъ студентъ въ прекрасной темнозеленой тужуркѣ съ золотыми пуговицами, на которыхъ рельефно выдѣлялись накладные орлы, былъ утонченно вѣжливъ и удивительно внимателенъ, и что матушка Марія Павловна больше говорила по-французски, чѣмъ по-русски со Строевымъ, гости — Онисимъ Харитоновичъ Соколовскій и настоятель Веселогорскаго прихода отецъ Иванъ Срѣтенскій — чувствовали себя ужасно неловко и стѣснительно.

Когда-же вошла Екатерина Львовна, невѣстка

отца Петра, расфранченная, надушенная и красивая, то гости совсѣмъ растерялись.

— Вотъ она какая, милліонерша — подумали оба.

А она, словно не замѣчая замѣшательства гостей, тепло пожала руку отцу Ивану и, подойдя къ Онисиму Харитоновичу, намѣренно сурово спросила:

— Вы по какому дѣлу изволили прибыть, молодой человѣкъ, къ папа?

— Все знаетъ, — рѣшилъ въ отчаяніи онъ и, видя ея добрые ласковые глаза, поднялся и рѣшительно залпомъ пробарабанилъ:

— Проситъ его высокопреподобіе разрѣшить вступить въ законный бракъ!

Отецъ Иванъ тихо ахнулъ отъ такой смѣлости псаломщика Соколовскаго.

Но всѣ сидящіе въ роскошной гостиной отца Петра весело разсмѣялись, и самъ онъ важный въ темносинемъ бархатномъ кафтанѣ, на борту котораго висѣлъ орденъ Владиміра, подошелъ къ Онисиму Харитоновичу и спросилъ:

— А какъ ея имя?

— Елена!

— Кто-же эта прекрасная Елена? — шутилъ отецъ Петръ.

— Дочь мельника Сабадухи, — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Онисимъ Харитоновичъ и, видя тѣнь на лицѣ отца Петра, поспѣшно добавилъ, — она окончила гимназію съ серебряной медалью и состоитъ учительницей въ церковно-приходской школѣ.

— Это другое дѣло, — какъ солнце просіялъ отецъ Петръ, — достойная для тебя подруга. Образованіе это все, а сословные предразсудки — нуль. Очень радъ и благословляю. Мнѣ владыка писалъ о тебѣ много хорошаго. Выбирай любой приходъ вакантный въ уѣздѣ — такъ и быть походатайствую передъ владыкой.

Отецъ Иванъ, между тѣмъ, сидѣлъ какъ на

иголкахъ и съ усиліемъ сдерживалъ готовый вырваться стонъ.

Лицо его было полно невыразимаго отчаянія. Умный проницательный взоръ отца Петра сочувственно скользнулъ по немъ и медленно и протяжно, словно о чемъ-то соображая, онъ спросилъ:

— У тебя двѣ дочери?

— Двѣ, — плачевнымъ голосомъ отвѣтилъ отецъ Иванъ.

— Желаешь въ губернскій городъ вторымъ священникомъ кладбищенскаго прихода. Какъ разъ владыка сегодня мнѣ письмо прислалъ съ просьбой послать ему лучшаго пастыря.

Отецъ Иванъ, не вѣря такому счастью, заморгалъ глазами и слезы благодарности полились изъ нихъ.

— Ну чего ты, — нахмурился отецъ Петръ и презрительно добавилъ, — я вѣдь не благочинный какой-нибудь, а твой духовный отецъ и знаю лучше всѣхъ, кто чего достоинъ изъ нашихъ пастырей и тебя посылаю по чистой совѣсти. А какъ поживаетъ матушка Серафима?

— Прислала раковъ вашему высокопреподобію!

Въ гостиной отъ такого отвѣта отца Ивана поднялся самый безудержный смѣхъ. Смѣялись рѣшительно всѣ и больше всѣхъ самъ предводитель дворянства Строевъ.

— Ставь въ отвѣтъ, отецъ Петръ, шампанскаго, кстати поздравимъ счастливаго жениха, — успокоившись, сказалъ онъ.

— Идетъ, — благодушно смѣясь въ бороду, отвѣтилъ отецъ Петръ.

Никогда потомъ въ своей жизни не забывали этого счастливаго дня настоятель Веселогорскаго прихода отецъ Онисимъ Соколовскій со своей матушкой Еленой и помощникъ настоятеля кладбищенскаго прихода въ городѣ Екатеринославѣ отецъ Иванъ Срѣтенскій.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

I

Звонили къ обѣднѣ.

Мелодичный голосъ большого колокола равномѣрно расплывался по всему селу Нагорному Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи, призывая вѣрующихъ въ храмъ Божій для молитвы.

Ему вторили малиновые, переборчатые отзвуки, волнуясь, шаля и бѣгая по большой красивой рѣкѣ Уфѣ, кольцомъ охватившей село.

Полицейскій исправникъ Семиградскій, прибывшій для ревизіи дѣятельности станового пристава Архангелова, давно проснулся въ заѣзжемъ домѣ, гдѣ остановился.

Стоя передъ невзрачнымъ трюмо въ форменномъ сюртукѣ съ золотыми погонами, Семиградскій поворачивался во всѣ стороны, любуясь собой.

Сквозь блестящее стекло зеркала видна была толстая, мѣшковатая фигура, на которой неуклюже болтался сюртукъ офицерскаго покроя, со стоячимъ воротникомъ, при шашкѣ сбоку.

Груди не было, животъ же шаромъ выпирался впередъ.

Закрутивъ усы въ стрѣлку и оттянувъ внизъ щетинистую черную бороду, Семиградскій не безъ

удовольствія смотрѣлъ на свое одутловатое, красное, словно лакированное, лицо.

Его свиные маленькіе глазки положительно сіяли.

— Здорово вчера выпилъ у отца Сергія, а всему виной матушка Евлампія... Мертваго уговоритъ выпить и закусить.

Семиградскій послѣдній разъ взглянулъ въ зеркало и, выпятивъ грудь, на которой болталось неисчислимое число крестовъ и медалей, павлиномъ поплылъ по комнатѣ, прислушиваясь къ звону своихъ шпоръ.

— Нужно сегодня нагнать страху на сельскую полицію, обязательно. Распустились подлецы. Плохо, что вотъ Архангелова нѣтъ, а пожалуй и не плохо: пока онъ тамъ болтается по своему стану, я кое что и о немъ разузнаю. Губернаторъ любитъ, чтобы непорядки вездѣ превращались въ „закономѣрное состояніе“ губерніи. Постараюсь. А пока, его-же и монаси пріимутъ: поправимъ голову.

Семиградскій свистнулъ.

Изъ дверей другой комнаты, гдѣ помѣщалась вся семья содержателя заѣзжаго дома, выскочилъ ловкій, поворотливый, небольшого роста стражникъ и, увидѣвъ только ему одному понятный магическій знакъ пухлой руки Семиградскаго, мгновенно нырнулъ обратно и черезъ минуту появился съ подносомъ, на которомъ стояли: стаканъ холодной воды, два небольшихъ графинчика водки, черный хлѣбъ и соль.

— Утѣшительно, — потеръ руками Семиградскій и сначала выпилъ воду, а потомъ принялся за водку.

Пилъ онъ ее въ засосъ, маленькими глотками, и при этомъ сначала нюхалъ черный хлѣбъ, а затѣмъ, умокнувъ его въ соль, ѣлъ причмокивая отъ удовольствія.

Въ раскрытое окно тѣмъ временемъ ворвался веселый перезвонъ колоколовъ: обѣдня начиналась.

Семиградскій заторопился, поправилъ на головѣ форменную фуражку и вышелъ на улицу.

II

Были послѣдніе дни сѣверной, совершенно распустившейся, ароматной весны, чарующей и въ то же время спокойно холодной, какъ недоступная красавица.

Все было кругомъ стильно и выдержано: и гордыя Уральскія горы, и воды рѣкъ, живой лентой извивающіяся среди нихъ, и зелень кудрявыхъ лѣсовъ у подножья, и скалы, и пропасти, и пещеры, тамъ на верху, гдѣ сосны, и ели, и бѣгущіе ручьи, и скрытый въ тѣни густыхъ зарослей снѣгъ, не тающій въ самые жаркіе лѣтніе дни.

— Благодать то какая...

Семиградскій потянулъ жадно носомъ.

— Экое благораствореніе воздуховъ...

Онъ поправилъ фуражку и посмотрѣлъ на горы.

Пахло влажной, теплой землей, смолистыми соснами и какимъ то еще очень сильнымъ запахомъ цвѣтовъ, такимъ сильнымъ, что у Семиградскаго послѣ вчерашняго пьянства закружилась голова.

— Перепилъ... ничего, пройдетъ.

Онъ остановился и осмотрѣлся кругомъ.

Внезапно взоръ его, обращенный къ церкви, загорѣлся гнѣвомъ.

Тамъ на площади базаръ шелъ во всю.

Крестьяне, башкиры, черемисы, татары продавали другъ другу: лошадей, колеса, ободья, плетенки для дрожекъ, муку, соль, пушнину...

Шумъ и гамъ былъ невѣроятный.

Одинъ башкиръ верхомъ, въ малахаѣ, бѣше-

но съ гикомъ носился вокругъ ограды церкви на горячемъ пѣгомъ конѣ, предлагая купить.

— Боже мой, Боже мой! — позеленѣлъ отъ огорченія Семиградскій, — сколько разъ я писалъ Архангелову, чтобы базары начинались послѣ литургіи. Какое неуваженіе къ церкви. Навѣрное и пьяные есть. А вотъ одинъ куритъ козьей ножкой: дымъ-то, дымъ... Повѣсить тебя, аспида, мало.

Семиградскій рѣшительно направился къ большому деревянному зданію, стоявшему на площади, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью: „Волосное правлѣнь".

Подойдя и прочитавъ дурацкую надпись, Семиградскій еще больше разгнѣвался.

— Даже надписи не исправили... Ха-ха... Закономѣрное состояніе губерніи, — съ бѣшенствомъ иронизировалъ онъ.

— Староста! — визгливо, по-бабьи, крикнулъ Семиградскій.

На крыльцо, не торопясь, съ огромными бляхами на груди и толстыми длинными палками въ рукахъ, вышли сотскіе и десятскіе.

— Чаво тамъ, — недовольнымъ тономъ сказалъ одинъ изъ нихъ и вдругъ осѣкся. Лицо его поблѣднѣло и глаза съ ужасомъ уставились на Семиградскаго.

Дробно стучали зубы бѣднаго, словно въ лихорадкѣ.

— Староста гдѣ? — визжалъ Семиградскій, все больше и больше распаляясь злобой.

— Въ церкви, и старшина тама, — снявъ шапку, подошелъ дряхлый восьмидесятилѣтній дѣдушка Акинфіевъ и немедленно-же получилъ жестокій ударъ кулакомъ по лицу отъ Семиградскаго.

— Ты скажи, старый хрычъ, — рычалъ онъ, — что это?

— Торгуютъ, ваша милость, — попрежнему спокойно отвѣтилъ Акинфіевъ и вытеръ грязной полой своего кафтана окровавленное лицо: у него разбиты были носъ и губы.

Кровь стекала по бородѣ прямо на грудь и пачкала и безъ того убогій, латаный нарядъ бѣднѣйшаго въ селѣ бобыля Акинфіева.

Онъ покорно стоялъ передъ Семиградскимъ, держа въ рукахъ шапку.

Вѣтеръ игралъ волосами на его головѣ и бородѣ и стыдно было всѣмъ, даже Семиградскому, что Акинфіевъ, такой старый, престарый, больной и хилый получилъ незаслуженный ударъ въ лицо, какъ провинившаяся собака.

— Сейчасъ-же гнать всѣхъ палками въ церковь, чтобы ни одной души у меня не болталось на площади. Поняли?

Семиградскій угрожающе потрясъ кулакомъ.

Десятскіе и сотскіе побѣжали, а Семиградскій съ достоинствомъ направился къ церкви.

III

Пока Семиградскій шелъ, базарная площадь опустѣла.

Съ трудомъ протискавшись въ церковь, онъ, подъ услужливый шопотъ разступившейся толпы народа, подошелъ къ правому клиросу и остановился на коврикѣ, близъ царскихъ вратъ.

— Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, — пѣлъ подъ регентствомъ учителя отличный хоръ, пѣлъ съ большимъ подъемомъ и со слезой.

На Семиградскаго нашло молитвенное настроеніе.

— Прости, Господи! Грѣшенъ... и пью, и развратничаю, и дѣлаю всякія непотребства. Вчера напился, какъ свинья...

Ему сдѣлалось стыдно, что онъ въ церкви думаетъ о своихъ зазорныхъ дѣяніяхъ, и онъ пытался подтягивать хору.

Ничего не выходило.

— Этого Архангелова я приведу въ православную вѣру, — озлобленно думалъ онъ, вспоминая гнусную сцену расправы съ Акинфіевымъ.

Семиградскій поморщился.

Между тѣмъ изъ алтаря вышелъ съ дискосомъ и чашей въ рукахъ отецъ Сергій, сухой, стройный и важный въ своихъ серебряныхъ ризахъ.

Онъ почему-то испуганно раскрылъ ротъ и не могъ возглашать молитвы.

Семиградскій это замѣтилъ и не понималъ, что съ нимъ.

— Навѣрное мутитъ на похмелье, — догадался онъ.

Но отецъ Сергій уже пришелъ въ себя и, подойдя къ Семиградскому, укоризненно сказалъ:

— Анемподистъ Яковлевичъ, посмотрите... Какое поношеніе храма сего... магометане, язычники въ шапкахъ...

Семиградскій быстро обернулся и чуть не вскрикнулъ.

Въ церкви, позади крестьянъ, стояли башкиры, татары, черемисы въ шапкахъ, тюбитейкахъ и скалили бѣлые зубы, наблюдая русскую службу Богу.

Видя тревогу отца Сергія и Семиградскаго, оглядывались и крестьяне, и послышался опредѣленный ропотъ.

— Гони ихъ! — глухимъ голосомъ приказалъ Семиградскій и схватился за голову.

Возмущенный народъ сталъ выталкивать иновѣрцевъ, но десятскіе и сотскіе, стоявшіе за дверью церкви и не слышавшіе распоряженія начальства, не только не пускали, но всякаго выскакивающаго татарина, башкира или черемиса, безпощадно избивали палками.

— Куда прешь, чортъ? Назадъ! — кричали они.

— Ахъ ты, ѣшь тя песья муха... хватай Сидоровъ этого черемисина... Тьфу, убѣгъ окаянный.

— Бей татарина поганаго, — командовалъ десятскій Бароненковъ.

Летя кувыркомъ, башкиръ Сабиръ Аминьевъ, безъ шапки и тюбитейки, съ бритой синей головой, громко ругался и безпощадно кряхтѣлъ подъ тяжестью навалившихся на него трехъ здоровенныхъ сотскихъ.

— Пусти, — стоналъ онъ.

— Подъ микитки его, подъ микитки... не жалѣй, робя... — утирая потъ, командовалъ все тотъ-же Бароненковъ и вновь начиналъ тузить пудовыми кулаками подвернувшагося ему татарина.

Первые сорганизовались для защиты татары и съ гортаннымъ крикомъ бросились на десятскихъ.

За ними послѣдовали и башкиры.

На помощь десятскимъ прибѣжала сельская молодежь.

Битва между православными и магометанами разгоралась. Въ дѣло пускались кнуты, ножи, дубины, каблуки сапоговъ, камни...

— Православные, не выдавай!

— Аллла, — ревѣли мусульмане...

И только язычники-черемисы, кроткіе, забитые, темные, какъ ночь на охотѣ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Урала, бросились къ своимъ телѣгамъ и, нахлестывая лошадей, быстро покинули село Нагорное.

Съ собой они везли тяжело раненаго черемиса Кольку Николаева, у котораго была пробита голова и изуродованъ подбородокъ.

— Не бойся, — утѣшали они его дорогой. — Святой Никола вылѣчитъ: онъ добрый. Только смотри въ мѣсячный вечеръ зарѣжь лошонка въ лѣсу и попрыскай кровью на восходъ и подъ солнце.

ПѢТУХЪ ПОДЪ АРЕСТОМЪ*)

Посвящаю блаженной памяти заслуженнаго профессора доктора исторіи Ф. И. Титова.

I

Земскій начальникъ, полковникъ гвардіи въ отставкѣ, Мельниковъ, страдалъ безсонницей.

Шагая по просторной спальнѣ своего роскошнаго флигеля, построеннаго для удобства отправленія правосудія въ селѣ Привольномъ, расположенномъ какъ разъ въ центрѣ его участка, Мельниковъ сжималъ блѣдными, длинными, съ выхоленными ногтями, пальцами свои посѣдѣвшіе виски и шепталъ:

— Опять не усну... какая тоска... мука...

Нервно опустившись на удобный мягкій диванъ, обитый темнозеленымъ, ласкающимъ взоръ, бархатомъ, онъ со злобой смотрѣлъ на противоположную стѣну комнаты, гдѣ была его кровать, пышная, сіяющая дорогимъ бѣльемъ, нарядными въ кружевахъ подушками и одѣяломъ цвѣта спѣлой ржи — почти золотистымъ.

*) До Великой войны 1914 г. былъ напечатанъ мною въ „Уральской жизни“. Сейчасъ, по просьбѣ друзей, написалъ вновь по памяти съ нѣкоторыми измѣненіями.

— Нужно выпить капель, — этихъ самыхъ... Докторъ Лапинъ особенно рекомендовалъ.

Мягкій свѣтъ китайскаго фонаря, словно ободряя, мигнулъ и ласково обвѣялъ всю комнату.

Мельниковъ поднялся съ дивана, подошелъ къ шкафчику, уставленному всякими пузырьками и, взявъ одинъ изъ нихъ съ надписью: „сонныя капли“, налилъ изъ него двадцать капель въ стаканъ съ водой и выпилъ.

Пахло миндалемъ, опіумомъ и еще чѣмъ то острымъ, ароматнымъ.

— Теперь усну, — думалъ онъ, — двойную дозу принялъ.

Но сна не было.

Передъ глазами назойливо стояло послѣднее засѣданіе Съѣзда земскихъ начальниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго члена окружнаго суда Скворцова за отъѣздомъ предводителя дворянства Михаила Сергѣевича Ильчевскаго въ Ростовъ на Дону на скачки, гдѣ выступали его лошади.

Мельниковъ рѣшительно заходилъ по комнатѣ и взволнованно самъ съ собой разговаривалъ:

— Этотъ Скворцовъ безусловно соціалистъ и врагъ Россіи... навѣрно изъ хамовъ. И даютъ же право предсѣдательствовать въ судебныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи какимъ-то...

Мельниковъ на мигъ остановился и, презрительно прищурившись, насмѣшливо посмотрѣлъ на художественное изображеніе акварелью Фрины въ рѣзной, круглой, чернаго дерева, рамѣ, висѣвшее надъ кроватью.

Когда Скворцовы судятъ, никакія тѣлеса не помогутъ. Да-съ, не помогутъ! Законъ!

Черная тѣнь легла на лицѣ Мельникова.

— Взять хотя бы мое дѣло по обвиненію кузнеца Елисѣя Рябова по 38 ст. Уст. о. Нак., налаг. Миров. Судьями. Напился, мерзавецъ, водки, завелъ драку и пырнулъ ножомъ въ животъ десятскаго Курочкина. Какъ никакъ Курочкинъ лицо должностное. И что-же, я долженъ Рябова сажать подъ

арестъ или штрафъ на него голодранца накладывать, когда совѣсть моя говоритъ, что здѣсь тюрьмой пахнетъ? И закаталъ я этого Рябова по указу Его Императорскаго Величества, вопреки глупой статьи, на годъ въ тюрьму. Въ ногахъ валялся, благодарилъ, а жена упокоеннаго Курочкина руки цѣловала... Но Скворцову это не понравилось...

Мельниковъ желчно усмѣхнулся.

Ему снова припомнились всѣ подробности судебнаго засѣданія съѣзда по дѣлу Рябова и рѣчь юнаго товарища прокурора изъ лицеистовъ Корсакова: „превышеніе власти... надругательство надъ закономъ и правосудіемъ... недопустимость произвола“...

— Ахъ ты, щенокъ такой! Это меня, полковника гвардіи съ мундиромъ въ отставкѣ, за превышеніе власти. Имѣю Владиміра на шеѣ. Болванъ!

Мельниковъ тѣмъ не менѣе еще больше разстроился и быстрѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Всего возмутительнѣе поведеніе Скворцова... гм... статскаго совѣтника и замѣстителя Михаила... Чортъ его понесъ на эти скачки... Совсѣмъ не предводительское дѣло кобыламъ хвосты подвязывать... Сидѣлъ-бы, да судилъ. А то этотъ Скворцовъ не только отмѣнилъ мой приговоръ и передалъ дѣло по подсудности судебному слѣдователю, пьяницѣ и цинику изъ разночинцевъ, Аметисову, но еще этакъ сочувственно мнѣ наединѣ сказалъ: „будьте осторожнѣе въ другой разъ, не выходите изъ рамокъ закона, иначе могутъ быть и непріятности по службѣ“.

Мельниковъ остановился посреди спальни и съ недоумѣніемъ обиженно двинулъ плечами:

— Изъ за какого-то скота Елисѣйки мнѣ будутъ непріятности. Это, видите ли, земскому начальнику, представителю Государя Императора въ участкѣ... Шалишь, братъ! У меня въ эскадронѣ не то еще было, а тѣмъ не менѣе и солдаты всегда были довольны и начальство благодарило.

Мельниковъ устало плюхнулся на кровать и, закрывъ глаза, старался ни о чемъ не думать.

— Буду считать до ста, — рѣшилъ онъ, — можетъ быть усну.

Но досчитавъ до тридцати, вновь задумался.

— Завтра уѣду въ имѣніе: къ чорту эти дѣла, да и жена заказывала не засиживаться въ камерѣ. А всего лучше въ отставку. Кабы не разстроенное имѣніе жены давно бы бросилъ службу земскаго начальника.

Тяжелый, болѣзненный сонъ, наконецъ, смилостившись, обвѣялъ своимъ кошмарнымъ дыханіемъ Мельникова, и онъ уснулъ тревожно и чутко.

II

Утренній туманъ, густо укутывающій село Привольное, началъ постепенно разсѣиваться. Съ восточной стороны неба блеснула свѣтло голубая, чуть замѣтная, полоска. Кой гдѣ еще горѣли запоздавшія уйти на покой звѣзды. Блѣдный рогъ луны дрожалъ на спокойномъ, нѣмомъ и величавомъ фонѣ безпредѣльнаго небеснаго простора.

Село Привольное начало пробуждаться. Первый по обыкновенію проснулся „Трубачъ“, пѣтухъ волостного старшины Пелипенка, красивый въ нарядномъ серебристо сѣромъ съ черными полосами кафтанѣ, въ хохлацкихъ штанахъ „черное море“ и съ огромными гусарскими шпорами

Тихо спрыгнувъ съ жерди, гдѣ благополучно проспалъ всю ночь, ничего не предугадывая злого своимъ птичьимъ сердцемъ, „Трубачъ“ весело прошелся по двору и остановился.

— Пожалуй время будить трудовой народъ.

„Трубачъ“, поднялъ одну ногу и, стоя молодцевато на другой, прислушался, затѣмъ повернулъ

голову направо и налѣво, посмотрѣлъ однимъ глазомъ на небо и рѣшилъ:

— Пора.

Дробно перебирая ногами, щелкая по землѣ шпорами, „Трубачъ" съ разгона очутился на заборѣ, какъ разъ противъ спальни Мельникова и, захлопавъ могучими крыльями, громко и звонко гаркнулъ:

— Ку-ка-ре-ку. Вставай, поднимайся!

Мельниковъ вздрогнулъ и, не раскрывая глазъ, съ чудовищной ясностью почувствовалъ, какъ кто то больно ударилъ его чѣмъ-то острымъ въ самое сердце.

— Ку-ка-ре-ку, — не унимался „Трубачъ", — ку-ка-ре-ку!

Мельниковъ поднялъ съ трудомъ, налитую, словно свинцомъ, голову и испуганно пытался понять: гдѣ онъ и что съ нимъ?

Ему сейчасъ послышался, сквозь сонъ, ревъ цѣлой кавалерiйской дивизiи солдатъ подъ командой статскаго совѣтника Скворцова: „Подъ судъ его, подъ судъ"!

— Ку-ка-ре ку, — хлопалъ крыльями довольный своимъ пѣнiемъ „Трубачъ" и гордо взъерошивалъ шею и грудь.

Металлическiй густой голосъ его разлетался по всему селу, и ему вторили сотни другихъ пѣтуховъ.

— Ахъ ты, чортъ, пѣтухъ, — поразился, очнувшись, Мельниковъ невѣроятному нахальству и, не помня себя, накинувъ дрожащими руками сѣрое офицерское пальто, выскочилъ въ мягкихъ бархатныхъ туфляхъ прямо во дворъ.

— Лови его! — кричалъ истерично онъ.

Прибѣжавшiй на зовъ своего барина лакей Герасимъ и неуклюжiй бородатый кучеръ Антонъ бросились за „Трубачомъ".

Тотъ не давался.

Идущiя за водой бабы побросали ведра и стали усердно помогать.

Но „Трубачъ“, летая, какъ фазанъ, дѣлая чисто тигровые прыжки, ловко увертывался отъ всѣхъ нападковъ обезумѣвшихъ людей.

— За что? — недоумѣвалъ онъ.

Появился и волостной старшина Пелипенко и, какъ бывшій вахмистръ, не вдаваясь въ суть распоряженія начальства, энергично бросился ловить пѣтуха, вспоминая, что когда-то въ полку по волтижировкѣ былъ первымъ.

— Взять его! — съ пѣной у рта повелѣвалъ Мельниковъ.

И Пелипенко, подскочивъ на сажень вверхъ, схватилъ „Трубача“ на лету за пышный хвостъ и радостно поднесъ его къ Мельникову.

— Ваше высокоблагородіе, поймалъ!

— Чей? — съ трудомъ переводя дыханіе, сурово спросилъ Мельниковъ.

— Мой! — блестя бѣлыми зубами и ничего не предчувствуя дурного, отвѣтилъ Пелипенко и по старой привычкѣ вытянулся и браво щелкнулъ каблуками.

— Твой? А что въ статьѣ Уст. о нак. говорится о бродячемъ скотѣ? Не знаешь?

— Не могу знать!

— Не могу знать, — ехидно передразнилъ, сквозь зубы, Мельниковъ, — а еще волостной старшина!

— Въ кардегардію, на три дня подъ арестъ съ пѣтухомъ вмѣстѣ! — рѣшительно по-военному приказалъ Мельниковъ.

— Слушаюсь, — также по военному глухимъ голосомъ отвѣтилъ Пелипенко и, наклонивъ голову, словно побитый, отправился подъ арестъ съ „Трубачомъ“ въ рукахъ.

III

Одѣвшись при помощи лакея Герасима, Мельниковъ понемногу сталъ успокаиваться и когда вошелъ въ камеру, то совершенно не могъ понять, почему онъ такъ взбѣсился на пѣтуха.

— Герасимъ, чай!

Лакей торопливо вышелъ, а Мельниковъ задумался.

— Собственно, за что-же я, чортъ возьми, посадилъ волостного старшину Пелипенко... бывшаго вахмистра, да и пѣтухъ — птица глупая...

Размышляя такъ, Мельниковъ постепенно приходилъ въ благодушное настроенiе.

— Какъ только прiйдетъ письмоводитель Иванъ Ивановичъ сейчасъ отдамъ приказанiе выпустить Пелипенко, — рѣшилъ онъ и съ аппетитомъ пилъ чай, поданный Герасимомъ, со сливками и закусывалъ сдобными, тающими во рту, пирожками.

Письмоводитель Иванъ Ивановичъ, взволнованный, сверхъ всякаго ожиданiя явился на цѣлый часъ раньше положеннаго служебнаго времени и, забывъ поздороваться съ Мельниковымъ, испуганно залепеталъ.

— Ваше высокородiе, немедленно выпустите волостного старшину Пелипенко изъ подъ ареста.

— Что? — не понялъ тотъ.

— Сейчасъ-же выпустите... Нельзя за пѣтуха сажать подъ арестъ должностное лицо.

— Положимъ, — перебилъ неувѣренно Ивана Ивановича Мельниковъ, — есть законъ, чтобы не бродилъ по улицамъ скотъ и пѣтухи также.

Онъ гнѣвно покраснѣлъ: ему вспомнилось ехидное лицо статскаго совѣтника Скворцова.

— Вотъ, скотина обрадуется, когда узнаетъ, что я не по закону лишилъ пѣтуха свободы.

— До губернатора дойдетъ, — не унимался съ ужасомъ Иванъ Ивановичъ и, забывъ всякое чино-

почитаніе, съ силой бросилъ свой плисовый картузъ прямо на судейскій столъ передъ Мельниковымъ.

— Мало вамъ этого Елисѣя Рябова... Не послушали меня... А теперь пѣтухъ этотъ... Меня-же всѣ ругать будутъ, скажутъ: не знаетъ законовъ!

Иванъ Ивановичъ съ трудомъ удерживалъ слезы.

— Будь по вашему, — огорченно согласился Мельниковъ и, гордо поднявъ голову, вышелъ.

— Вотъ такъ времена настали, — возмущался онъ, шагая по спальнѣ. — И то не законно, и это беззаконно... Превышеніе власти... Невозможно служить.

Механически онъ открылъ дверь изъ спальни и опять появился въ камерѣ.

IV

Волостной старшина Пелипенко былъ уже тамъ.

При видѣ входящаго Мельникова, онъ дрожащимъ голосомъ началъ:

— Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте Божескую милость освободите меня отъ службы волостного старшины. Не могу служить больше: весь народъ смѣется, а бабы пѣтухомъ зовутъ.

— Ну чего тамъ... Наплюй! Погорячился я — это точно, но прости старика. А этимъ шаромыжникамъ я покажу, какъ надъ тобой смѣяться.

Видя, что волостной старшина Пелипенко не сдается, Мельниковъ еще ласковѣе добавилъ:

— Я тобой очень доволенъ и сегодня же къ медали за усердіе представлю. А пѣтухъ гдѣ?

Словно отъ удара хлыстомъ Пелипенко весь вздрогнулъ и злымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Отвернулъ я ему окаянному голову: на всю волость, разбойникъ, осрамилъ.

— Напрасно, напрасно погорячился, — такъ же задушевно говорилъ Мельниковъ, — хорошій былъ пѣтухъ, и голосъ преотмѣнный. Какъ звалъ ты его?

— „Трубачомъ", — смягчился и Пелипенко, — первый зорю игралъ на все село... чистый протодьяконъ!

— Какого ты полка?

— ...Уланскаго, ваше высокоблагородіе.

— Знаю, знаю... У меня тамъ былъ другъ, князь Глѣбовъ.

— Точно такъ, — радостно заговорилъ Пелипенко, — мой командиръ эскадрона.

— Видишь, какъ все хорошо, а ты въ отставку. Да если мы съ тобой изъ-за пѣтуха службу будемъ бросать, то все русское государство погибнетъ: ни-ни!

Пелипенко сконфуженно посмотрѣлъ въ глаза Мельникову и виноватымъ голосомъ рѣшительно заявилъ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, остаюсь волостнымъ старшиной.

— Спасибо за службу!

— Радъ стараться!

— Можешь теперь идти, — сказалъ Мельниковъ, — и распорядись подать мнѣ лошадей: ѣду домой. Да посматривай здѣсь за лакеемъ Герасимомъ, чтобы не пьянствовалъ и бабъ не таскалъ въ камеру, когда меня не бываетъ.

Волостной старшина Пелипенко словно на пружинахъ вышелъ и вскорѣ голосъ его за дверьми звучалъ ровно, властно и увѣренно, какъ и до исторіи съ пѣтухомъ.

Примиреніе состоялось полное и власть снова вступила въ свои права.

ГЕНІЙ

I

Если кто, то именно приставъ первой части одного губернскаго приволжскаго города Рвачевъ отличался геніальными способностями выходить побѣдителемъ изъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни.

Говорятъ, что и должность пристава онъ получилъ благодаря своей изобрѣтательности, такъ какъ за честную и безупречную службу въ тюрьмѣ въ качествѣ надзирателя ему грозили ни болѣе, ни менѣе какъ арестантскія отдѣленія.

Но сегодня онъ былъ въ большомъ волненіи, ибо проигралъ въ карты, въ клубѣ, на глазахъ многихъ нежелательныхъ свидѣтелей не только свои собственныя деньги, но и казенныя.

— Ну-ка, повороти мозгами, сволочь такая, хлюстъ, повороти, — хмуро и презрительно ругалъ себя Рвачевъ.

И мозги воистину поворачивались у бѣднаго Рвачева до противнаго липкаго пота на его разстроенномъ лицѣ.

— Не пропадать же, чортъ возьми! Да и обидно, имѣя полицейскую часть большого города, не

найти выхода. У хорошаго пристава дымъ изъ трубы и то деньги даетъ.

Полуприкрытые глаза Рвачева поблескивали странными огоньками, и трудно было уловить ихъ смыслъ и значеніе.

— Но вотъ они игриво и весело засверкали.

— Эврика! — подскочилъ Рвачевъ.

Онъ пришелъ въ непередаваемо бурное, веселое настроеніе.

— Ахъ, ты, шутъ тебя возьми, вотъ такъ идея... Геній ты, Рвачевъ!...

Онъ нетерпѣливо прошелся по комнатѣ, энергично поводя плечами.

— Сегодня же начну со „Стрѣлочки", потомъ женскій монастырь, потомъ публичные дома Гинзбурга... Фу, фу, какъ запахло деньгами!

Рвачевъ комично развелъ руками.

— Итакъ, подготовимъ, Рвачевъ, почву!

Онъ откашлялся и зычно, по звѣриному, рявкнулъ басомъ:

— Гриценко!

Раздвинулась портьера у дверей и неслышно появилась великолѣпная фигура гвардейца городового съ красивымъ, ангелоподобнымъ лицомъ, съ добрыми ясными дѣтскими глазами и чудовищными кулаками, на которыхъ росли конскіе волосы.

— Чиго зволте, вашебродь?

— А что у насъ въ архивѣ мыши водятся?

— Такъ тошно. Уси дила, що сами найважнійши, поилы, прокляти!

— Хорошо! Поймай мнѣ, Гриценко, одну, обвари кипяткомъ и представь.

— Слухаюсь, вашебродь, піймаю.

Гриценко исчезъ.

II

Выйдя подъ вечеръ изъ своей части, приставъ Рвачевъ поманилъ пальцемъ лихача Ивана и, садясь въ пролетку на дутыхъ резиновыхъ шинахъ, отрывисто бросилъ:

— „Стрѣлочка“!

Рысакъ понесъ.

Мелькали дома, улицы, заблестѣла Волга, и на уступѣ крутого берега, близъ пароходной пристани, показался загородный модный ресторанъ „Стрѣлочка“.

— Подождешь, — приказалъ Рвачевъ, когда Иванъ съ трудомъ сдержалъ трехтысячнаго рѣзваго рысака, взмыленнаго и злого, у подъѣзда „Стрѣлочки“.

III

Въ ресторанѣ было еще мало посѣтителей, но зоркій глазъ Рвачева замѣтилъ въ углу наряднаго зала чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Булацеля, товарища прокурора Шереметьева и двухъ красивыхъ шансонетокъ — Вѣру - огонь и Елену - вѣтеръ.

Компанія была навеселѣ и пили уже шампанское.

Рвачевъ вѣжливо поклонился.

Ему отвѣтили небрежнымъ кивкомъ.

Лакей, наоборотъ, бросился, какъ угорѣлый, служить дорогому гостю.

— Прикажете закусочку: икра, балычекъ, — захлебывался онъ и извивался дугой.

— Есть налимья печенка маринованная... Грибокъ бѣлый. Также получили вчера рыбецъ и шемаю. А то стерлядочку паровую?

— Солянку! — перебилъ Рвачевъ.
— Сборную. осетровую или бѣлужью?
— Валяй сборную!
— Водочки подать?
— Не надо.

IV

Въ серебряномъ судочкѣ скоро появилась солянка, и когда лакей поднялъ крышку, ароматный паръ бросился въ носъ Рвачеву, а передъ глазами предстала янтарная, аппетитная, изъ разныхъ сортовъ дорогихъ рыбъ, сборная солянка.

Рвачевъ, не торопясь, подвѣсилъ салфетку и сталъ дѣлать видъ, что кушаетъ.

Лакей скромно удалился.

Рвачевъ, видя это, отстегнулъ бортъ своего сюртука, вынулъ изъ бокового кармана небольшой свертокъ, развернулъ его и что-то бросилъ въ солянку.

Затѣмъ налилъ себѣ въ тарелку, помѣшалъ ложкой и, грозно ощетинившись, бѣшено прошипѣлъ:

— Человѣкъ!

Испуганный лакей метнулся стрѣлой.

— Что это? — ткнулъ пальцемъ Рвачевъ, ворочая огромными бѣлками своихъ злыхъ черныхъ глазъ.

— Ммм... — заикался лакей.

— Говори, скотина, что?

— Ммм...

— Мычишь, сукинъ сынъ! Морду набью! Мышами людей кормите. Зови управляющаго!

Лакей съ подкосившимися, нервно дрожащими ногами, пошелъ, шатаясь, къ управляющему. Лицо его было мертвенно блѣднымъ, съ почти сумасшедшими, расширенными глазами.

Явился не менѣе возбужденный и управляющій.

— Василій Петровичъ, ради Бога, пойдемте ко мнѣ, переговоримъ, а то уже обращаютъ вниманіе. Не дай Богъ узнаютъ, закрывай ресторанъ!

Дѣйствительно, сидѣвшая за столами публика и особенно чиновникъ особыхъ порученій Булацель пристально и съ любопытствомъ посматривалъ въ сторону Рвачева.

— Пойдемте,— согласился Рвачевъ, подымаясь.

Лакей мгновенно унесъ солянку съ мышью.

V

Шагая по кабинету управляющаго рестораномъ „Стрѣлочка", Рвачевъ нравоучительно говорилъ:

— Это возмутительно! Ихъ превосходительства губернаторъ, предсѣдатель суда, прокуроръ бываютъ, даже самъ губернскій предводитель дворянства, а вы мышей въ сборную солянку кладете. Это что же, особый видъ рыбы?

Ошеломленный управляющій, жалко улыбаясь, растерянно лепеталъ:

— Василій Петровичъ, все, что прикажете, сдѣлаю... Кончимъ дѣло...

— Выбирайте, — смягчился Рвачевъ, — протоколъ или одну тысячу на сиротскій пріютъ?

Управляющій поморщился, но немедленно съ угодливой улыбкой принесъ деньги.

— Хотите расписку? — угрожающе сказалъ Рвачевъ.

— Что вы, что вы! — испугался управляющій и замахалъ руками.

Рвачевъ высокомѣрно кивнулъ головой и, не подавая руки, вышелъ.

Садясь въ пролетку, Рвачевъ приказалъ:

— Женскій монастырь!

И когда опять замелькали въ вихрѣ бѣга дома, Рвачевъ самодовольно размышлялъ:

— Сестра Агнія благополучно разрѣшилась отъ бремени, вчера городской врачъ мнѣ говорилъ... Сдеру съ матери игуменьи за развратъ, ибо чистота тѣлесная необходимое условіе подвижнической жизни монастырей.

На Рвачева нашло такое игривое настроеніе, что онъ даже рявкнулъ октавой: „тра-та-та" подъ стукъ копытъ распластавшагося птицей красавца коня...

МОЛОКО

I

— Горпино! Та неси скорійше молоко, бо я вже роздягнулась.

Красивая дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ съ карими съ поволокой глазами на румяномъ лицѣ, обрамленномъ разсыпанными по спинѣ и плечамъ каштановыми вьющимися волосами, нетерпѣливо стучала ножкой у огромной ванны.

— Заразъ, паночка, заразъ, — гудѣлъ грубый баритонъ изъ дальней комнаты.

Дѣвушка засмѣялась, блеснувъ среди полныхъ вишневыхъ губъ хищными бѣлыми зубками, и, растирая руками упругія, словно налитыя яблоки, груди, запѣла пріятнымъ нѣжнымъ голосомъ:

Солнце низенько,
Вечеръ близенько,
Вийди до мене,
Мое серденько...

Дѣйствительно, солнце уже было „низенько", и вечеръ прохладнымъ дыханіемъ начиналъ охватывать землю. Душистый сладкоприторный запахъ увядающей акаціи смѣшивался съ ароматомъ розъ и мускусомъ роскошныхъ орѣховыхъ деревьевъ.

Черезъ маленькое окно комнаты, гдѣ стояла мраморная ванна, дѣвушка услышала заунывный тягучій звонъ.

— Боже мій, до церкви звонятъ у сели, а я ще не купалась... Горпино!

Дѣвушка въ костюмѣ Евы сердито повела сросшимися дугой бровями и топнула о коверъ другой ножкой.

Выше колѣна было бархатное пятнышко и такъ красиво оттѣнялось среди молочнаго нѣжнаго тѣла, что сама владѣлица своихъ прелестей ласково потрепала ручкой по немъ и смѣшливо сказала:

— Це на счастье Богъ давъ: мати казала. А Горпини все нема...

Но восьмипудовая Горпина, наконецъ, вошла, тяжело ступая, съ двумя ведрами молока, отъ котораго шелъ паръ, и, выливъ ихъ въ ванну, пошла за двумя другими.

— Эге, донеси ще два, тай годи, — приказала дѣвушка, влѣзая въ ванну и плескаясь пузырящимся и пѣнящимся душистымъ молокомъ.

II

Дѣвушка, принимавшая молочныя ванны, была единственной дочкой богатѣйшаго на весь уѣздъ хуторянина казака Скрипки, любившаго ее до безумія.

Въ округѣ верстъ на триста смѣялись, что Скрипка, неизмѣнно ходившій зимой и лѣтомъ въ полотнянныхъ шароварахъ и барашковой „котломъ“ шапкѣ, для своей дочери держалъ автомобиль.

Для него Маруся была богомъ и особенно та-

ковой стала послѣ смерти жены, умершей два года назадъ.

Самъ Скрипка жилъ просто, по-мужичьи, но въ личную жизнь Маруси не вмѣшивался, и она дѣлала рѣшительно все, что хотѣла, въ своей половинѣ дома

Маруся окончила трехклассную земскую школу и дальше не пошла.

— Отдайте въ гимназію, — настаивалъ батюшка отецъ Филимонъ, законоучитель земской школы, когда Маруся первой ученицей вышла въ выпускѣ, но Скрипка даже обидѣлся.

— А на бисъ баби науки. Рожать дитей и безъ гимназіи можна, а вести домовину учена не сможе.

Скрипка презрительно плевалъ, набивалъ нервно трубку крѣпчайшимъ дешевымъ табакомъ и, запаливъ трутомъ, затягивался, а потомъ всегда въ такихъ случаяхъ миролюбиво добавлялъ:

— Ты, батько, визьми ту свинью, що попадья просила... Дарую!

Отецъ Филимонъ принималъ даръ, низко кланялся и уѣзжалъ, а Маруся такъ до гимназіи и не дошла.

Но въ остальномъ была неограниченно свободна. Вотъ почему, прочитавъ вчера въ бульварномъ романѣ „Кровавый рыцарь", что герцогиня Сервизская, она же маркиза Архи, сохранила молодость и юную красоту тѣла благодаря молочнымъ ваннамъ до самой своей смерти на восемьдесятъ третьемъ году, Маруся приказала удивленной Горпинѣ:

— Завтра передъ вечернею налій висимъ видеръ молока у ванну: купаться буду. И оттакъ усякій вечиръ.

Ей такъ хотѣлось быть вѣчно молодой, веселой и любимой, ибо она полюбила... своего сосѣда по хутору, разорившагося въ конецъ помѣщика Голуба.

Старый Скрипка долго, правда, косился на частые визиты къ дочери молодого барина, но мол-

чалъ, ибо боялся огорчить Марусю, которая при встрѣчѣ Голуба „сіяла, якъ зиронька ясна".

Да и баринъ былъ ничего себѣ человѣкъ: тихій, робкій и за свою доброту любимый всѣмъ крестьянствомъ.

— Благе, — думалъ Скрипка о немъ, — не вси въ голови дома.

О панахъ Скрипка, послѣ покупки огромнаго имѣнія за безцѣнокъ у помѣщицы Тецель, бывшей фрейлины Двора Его Величества, былъ вообще самаго неважнаго мнѣнія.

А случилось все вотъ какъ.

По совершеніи всѣхъ формальностей у нотаріуса по покупкѣ и продажѣ имѣнія „Мокродолъ", Тецель пригласила Скрипку къ себѣ на обѣдъ въ городской дворецъ. Тотъ явился въ обычномъ своемъ нарядѣ съ палкой и мѣшкомъ въ рукахъ, въ которомъ были: хлѣбъ, сало, малороссійская колбаса, рушникъ, мыло и табакъ.

Когда лакей, заранѣе предупрежденный, насмѣшливо оглядѣлъ Скрипку, покровительственно провелъ его въ столовую, то всѣ гости, человѣкъ около сорока, женщины въ шикарныхъ платьяхъ и мужчины въ мундирахъ, фракахъ, сюртукахъ, нѣкоторые съ орденами, а предводитель дворянства Ренскій даже при звѣздѣ, съ любопытствомъ уставились на Скрипку, но онъ нисколько не растерялся.

— Здравствуйте вамъ, — поклонился онъ всѣмъ гостямъ и, передавая мѣшокъ, палку и шапку лакею, добавилъ: — отнеси, халуй, туда, де господски пальта висятъ.

И... какъ ни въ чемъ не бывало сѣлъ обѣдать, внимательно оглядывая неисчислимое количество закусокъ, разныхъ холодныхъ и горячихъ замысловатыхъ блюдъ, батареи водокъ и винъ, горы сластей и фруктовъ.

Подали въ заключеніе обѣда шампанское, и полились рѣкой тосты.

Пожелалъ на послѣдокъ сказать тостъ и

Скрипка. Поблагодаривъ за угощеніе господъ, выпивъ до дна бокалъ заморскаго вина, онъ ехидно закончилъ свою рѣчь такъ:

— О, теперь и я знаю, за що паны бидняками сталы и свои земли растеряли... Пропили, та проилы, серденьки. Прощавайте.

И ушелъ.

Лакей уже насмѣшливо и покровительственно не смотрѣлъ на Скрипку, а услужливо подалъ ему и шапку, и мѣшокъ, и палку и даже не побрезговалъ тѣмъ мѣднымъ пятакомъ, который властно былъ сунутъ ему въ руки.

Объ этомъ долго говорили въ Москвѣ и Петербургѣ среди аристократіи и много смѣялись, но не надъ Скрипкой, а надъ собой смѣялись...

III

— Куды жъ теперь дивать оце молоко? — спрашивала недовольная Горпина, когда Маруся вышла изъ ванны и начала одѣваться.

— Отто, стара дура, та завтра жъ недиля: навары усимъ батракамъ молошной каши, поидятъ за обидомъ, не бійся.

Маруся звонко расхохоталась и, обнявъ за шею Горпину, поцѣловала.

— Я жъ теперь герцогиня Сервизская и маркиза Архи.

Стуча каблучками замшевыхъ бѣлыхъ туфелекъ, Маруся убѣжала въ садъ: она ожидала Голуба, который сегодня за ужиномъ долженъ былъ просить у Скрипки руки и сердца его дочери.

Горпина приказъ выполнила въ точности. И когда на громадныхъ длинныхъ столахъ подъ навѣсами появилась послѣ борща и каши съ саломъ молочная каша, присыпанная, ради помолвки Ма-

руси за Голуба-дворянина, сахаромъ, то всѣ рабочіе отъ удовольствія загудѣли.

Диды и дядьки, нюхая носомъ и поводя длинными усами, восторженно мычали, а молоди хлопцы...

— Але и добро молоко, матери его кувиньку! — восклицали въ одинъ голосъ они.

— Пахне такимъ, що хуже горилки въ голову бье, — удивленно говорилъ младшій кучеръ чернобровый Панасъ и со страстью глядѣлъ на молодую коровницу Ганну, сидѣвшую рядомъ съ нимъ.

— Ганно, — тихо шепталъ онъ ей, — писля обида иды въ балку... Я за тобою...

— Ну и каторжне молоко, — громко ругался онъ. — У мене, хлопци, увекъ зъ молока кровь грае

IV

Послѣ обѣда, когда почти всѣ залегли спать, такъ какъ былъ воскресный день, а Скрипка въ этотъ день давалъ людямъ абсолютный отдыхъ, Ганна незамѣтно выскользнула изъ хутора и пошла къ близъ лежащей зеленѣющей балкѣ.

Она, идя по полю, часто нагибалась и что-то для отвода глазъ собирала.

Лицо ея горѣло огнемъ и сердце било молотомъ въ волнующейся полной груди...

А черезъ пять минутъ слѣдомъ за ней пошелъ и Панасъ съ уздечкой въ рукахъ, якобы за конемъ.

Тихо было въ балкѣ.

И только внизу на самомъ днѣ журчалъ родникъ, выбрасывая ленту живой воды, да примостившійся на суку гнилого дерева дятелъ стукалъ носомъ, насмѣшливо сверху поглядывая на Панаса и Ганну, лежавшихъ внизу.

Въ стукѣ его носа, если прислушаться внимательно, слышалось: — мо-ло-ко, мо-ло-ко.

СМЕРТЬ

(изъ Бѣлградскихъ мотивовъ)

I

Каждый день въ хорошую и дурную погоду его видѣли рано утромъ на базарѣ противъ городской управы, въ мѣстѣ, гдѣ продавалась битая птица и живая рыба.

Сначала онъ аккуратно обходилъ всѣ столики торговокъ птицей и, послѣ привѣтствія и справокъ о цѣнахъ, тыкалъ пальцемъ какого нибудь понравившагося ему жирнаго гуся или набитую саломъ утку, аппетитно невольно крякалъ и важно переходилъ на другую сторону къ корытамъ съ живой рыбой.

Здѣсь онъ останавливался у русской фирмы „Кабарома“ минутъ на пять, а то и больше и съ восторгомъ любовался, какъ живыя, большія и малыя, рыбы плескались и шевелили хвостами.

— Сколько вотъ этотъ сазанъ примѣрно стоитъ? — робко всякій разъ спрашивалъ онъ.

— Динаръ шестьдесятъ, не меньше.

— Ого!

На сморщенномъ лицѣ его изображался неподдѣльный ужасъ, и онъ, оправивъ на шеѣ крестъ

Святого Владиміра, смущенно покашливая, уходилъ къ третьему отдѣленію базара, гдѣ продавалось мясо.

Шелъ онъ, согнувшись, съ трудомъ переступая больными старыми ногами, опираясь на сучковатую самодѣльную палку съ резиновымъ наконечникомъ.

— Ваше превосходительство, пожалуйте, — еще издалека привѣтливо махалъ засаленнымъ кожанымъ картузомъ русскій мясоторговецъ Кереджаевъ.

— Здравствуйте, — задыхаясь отвѣчалъ онъ и, распахнувъ сѣрое, сильно поношенное, пальто съ генеральскими отворотами, долго копался въ карманахъ своего френча, пока не находилъ тамъ записной книжечки, между листиками которой была десятидинарка.

— Прошу на пять динаръ свиной печенки и на два — смальца. Приду домой, съ лучкомъ поджарю и, слава Создателю, живъ человѣкъ. По дорогѣ еще рѣдички куплю: люблю тертую матушку. Русью пахнетъ!

— А что новаго слышно въ вашихъ сферахъ, ваше превосходительство?

Сегодня генералъ былъ не въ духѣ и долго молчалъ, что-то жуя блѣдными губами, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Говорятъ, Сталинъ съ посольствомъ скоро будетъ здѣсь. Смѣлый: сразу видна горячая грузинская кровь. Никого не боится.

— То есть, какъ это не боится? — недоумѣвая, переспросилъ Кереджаевъ, заворачивая въ газетную бумагу печенку и смалецъ генералъ-лейтенанту Смачкову.

— А чего же ему бояться? Думаете дерзнуть по примѣру Конради...

Генералъ Смачковъ насмѣшливо посмотрѣлъ на восьмипудовую тушу Кереджаева и дробно засмѣялся злымъ, сухимъ старческимъ смѣшкомъ.

Съ безцвѣтныхъ мутныхъ его глазъ отъ этого смѣха стекали слезы.

— Ха-ха-ха! Думаете убьютъ. Въ ногахъ нѣкоторые валяться будутъ... Въ затылокъ въ очереди стоять будутъ днями, пока его товарищество Сталинъ изволитъ принять... Зато, словъ сколько! Перуны!

Генералъ Смачковъ съ укоризной посмотрѣлъ на съежившагося Кереджаева и, простившись, понуро побрелъ къ себѣ на квартиру.

II

Зима стояла. Не было снѣга, но морозъ гулялъ острый, и вѣтеръ съ безпощадной злобой забирался подъ шинель и френчъ генерала Смачкова и причинялъ ему колющую боль.

Онъ часто по дорогѣ останавливался и тяжело дышалъ.

Широкія, блестящія улицы съ толпами куда-то бѣгущихъ людей дѣйствовали ему на нервы, злили.

И потому онъ облегченно вздохнулъ, когда свернулъ въ узкій тихій проулокъ на окраинѣ города и вошелъ въ сорный запущенный дворъ.

У колодца стояла грязная жирная свинья и, похрюкивая, терлась спиной о деревянный срубъ.

Виляя хвостомъ въ репьяхъ, съ радостнымъ визгомъ, подлетѣлъ черный курчавый Бобикъ и привѣтливо лапами обнялъ генеральскія ноги.

Генералъ Смачковъ дрожащими руками отворилъ дверь своей квартиры.

Трудно назвать квартирой то помѣщеніе, въ которомъ жилъ генералъ Смачковъ.

Это скорѣе была собачья конура, нежели жилище человѣка.

Деревянная будка имѣла три аршина длины, два ширины. Противъ двери стояла дощатая узкая кровать, покрытая сѣрымъ одѣяломъ.

Для того, чтобы войти въ это помѣщеніе, нужно было осторожно влазить бокомъ и, только усѣвшись на кровать, можно было закрыть дверь.

Въ углу прибитъ былъ гвоздями маленькій шкафчикъ и подвѣшена на дротѣ полочка, гдѣ стоялъ старый ржавый примусъ.

Надъ кроватью висѣла голубая керосиновая лампочка съ круглымъ зеркальцемъ-рефлекторомъ.

Печка у дверей сдѣлана была изъ разбитаго чугуннаго горшка и кое-гдѣ обложена камнями и замазана глиной.

Генералъ Смачковъ, проникнувъ въ свое жилище, не торопясь, снялъ шинель и остался въ одномъ френчѣ съ генеральскими золотыми погонами.

Послѣ злого холодного вѣтра на улицѣ, здѣсь было тепло, а когда генералъ зажегъ приготовленныя въ печкѣ дрова, и тѣ весело затрещали и заиграли огнями, то потянуло и уютомъ.

— Какъ живетъ и трудится генералъ Смачковъ, — захихикалъ онъ и сталъ готовить себѣ обѣдъ. Старательно разрѣзывая на тонкіе ломтики печенку и укладывая ее на желѣзную сковородку, онъ громко разговаривалъ самъ съ собою.

— А были времена... да-а. Во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ портреты были... Желѣзной дивизіей командовалъ... Корпусъ австрійцевъ разбилъ на голову... Самъ Государь въ 1915 году лично...

Генералъ Смачковъ не окончилъ фразы и безпомощно бросилъ ножъ, которымъ рѣзалъ печенку. Его сильно качнуло въ сторону и что-то оборвалось внутри. Кружилась голова и звенѣло въ ушахъ.

— Промерзъ, пройдетъ...

Его тошнило.

— А вдругъ заболѣлъ, — съ ужасомъ подумалъ онъ, — воды подать некому.

На мутныхъ глазахъ его показались обильныя слезы.

— Прилягу, пока пройдетъ.

Генералъ Смачковъ, шатаясь какъ пьяный, шагнулъ къ кровати и навалился на нее бокомъ, подогнувъ ноги.

По стѣнѣ и потолку плясали круги разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, то растягиваясь до безконечности, то суживаясь и уменьшаясь до точки.

— Иихъ, — болѣзненно застоналъ генералъ Смачковъ, и стонъ его жалобно разнесся по маленькой комнатѣ. За дверью гудѣлъ вѣтеръ и иногда пискливо подвывалъ въ трубѣ.

— И-и-и...

И увидалъ генералъ Смачковъ самого себя.

Стоялъ онъ на крутой гранитной скалѣ, у подножья которой бушевало море. И страшное было это море, полное гаданій, ибо состояло оно не изъ воды, а изъ живыхъ копошащихся тѣлъ: злобное, грязное, гнойное, зловонное, со сжатыми кулаками и матерной бранью:

— Тудыть твою, перетудыть твою, а гдѣ Рассея?

— Нѣтъ Россіи, ибо вы же ее предали и погубили, — съ холодомъ въ сердцѣ подумалъ генералъ Смачковъ и съ ненавистью смотрѣлъ на шевелящійся противный клубокъ людей.

— И гдѣ-ѣ?

А по красному небу набатомъ раздавался звонъ могучаго колокола, проникая черезъ облака, темной грудой навалившіяся надъ моремъ людей, и будилъ въ сердцахъ ихъ, какъ и у самого Смачкова, слезы и страхъ.

— Енъ знаетъ, — указалъ закорузлымъ пальцемъ на генерала Смачкова рыжій мужиченка и плюнулъ зеленой вонючей слюной прямо ему въ лицо.

И, словно по сигналу, со звѣринымъ воемъ вся многомилліонная толпа ринулась на него.

— И-и-и, — застоналъ, очнувшись, генералъ Смачковъ. На горячемъ мокромъ лицѣ безумно вращались открытые съ застывшимъ ужасомъ глаза.

Лѣвую ногу въ латаномъ сапогѣ свела судорога, и невыносимая боль подняла лысую голову съ грязной подушки. Съ чудовищнымъ усиліемъ генералъ Смачковъ перевернулся на спину, но нога не вытягивалась, и нервная дрожь содрогала все его старческое, хилое тѣло.

На губахъ забѣлѣла пѣна.

Два желтыхъ большихъ спереди зуба дробно стучали.

— У-у-у,— всхлипывалъ по-дѣтски генералъ Смачковъ и поперхнулся, теряя сознаніе.

И увидѣлъ генералъ Смачковъ Уральскія горы, и дуютъ по нимъ вѣтры, и шумятъ лѣса, сгибаясь, какъ прутья. Они, качаясь, падаютъ съ огромными вывороченными у корня глыбами земли съ пескомъ, падаютъ со стукомъ и трескомъ, въѣдаясь въ мягкую, жирную, черную землю.

Но, чу!.. все стихло и замерло кругомъ. У горнаго ручья, гдѣ зеленѣла лужайка, появилась Царская Семья. Ласково и кротко смотритъ Его Величество Государь Императоръ на генерала Смачкова.

— Здравствуйте, Смачковъ, давно васъ не видѣлъ, почитай съ 1917 года.

— Такъ точно, Ваше Величество, — отвѣчалъ Смачковъ, холодѣя отъ восторга, преданности и любви.

— А гдѣ Россія? — спросилъ Государь.

— Ваше Величество, — вспомнилъ все и дико крикнулъ генералъ Смачковъ, — исчезла Россія!

— Кто же виноватъ? — скорбно сказалъ Государь и поплылъ съ семьей, не касаясь земли, и исчезъ въ скалахъ и зелени Уральскихъ горъ и лѣсовъ.

Генералъ Смачковъ чавкалъ пересохшими губами, обнажая два своихъ желтыхъ зуба, и вдругъ завылъ:

— Роооссіяя...

Но Россіи не было. На ея мѣстѣ онъ увидѣлъ чертополохомъ поросшій голодный, дикій, нелѣпый

край, гдѣ за фунтъ муки убиваютъ учителя и профессора, гдѣ сукинъ сынъ, безграмотный Ванька Каинъ, ворочаетъ судьбами тысячъ культурныхъ людей, находящихся въ полномъ у него распоряженіи.

— Царство хама, — кричалъ на ухо генералу мѣдный голосъ.

Отъ этого голоса онъ вздрогнулъ и понялъ, словно озаренный молніей, что смерть идетъ къ нему...

— Мама!

Генералъ Смачковъ ощутилъ соляной паръ голубого моря, ароматъ садовъ и особый запахъ земли и песка тамъ въ Крыму, гдѣ стоялъ домъ его отца.

— Мама! — плакалъ онъ...

И она пришла, вся въ бѣломъ, и взяла своего несчастнаго сына, генерала Смачкова, на руки и понесла, прижимая къ сердцу и нѣжно цѣлуя... понесла въ Россію... къ своей могилѣ, а оттуда къ Богу...

III

Прошелъ одинъ день, за нимъ другой, а генерала на базарѣ не было.

— Заболѣлъ, бѣдный, — огорченно подумалъ мясной торговецъ Кереджаевъ.

И только на четвертый день въ газетѣ „Время" всѣ прочитали, что умеръ генералъ Смачковъ.

Благодаря вою чернаго Бобика у квартиры генерала, хозяинъ двора, сербъ Благой Величковичъ, на второй только день вошелъ къ нему въ будку и увидѣлъ совершенно окостенѣвшій трупъ гене-

рала съ улыбкой счастья на лицѣ, со сложенными на животѣ руками.

На полочкѣ стояла сковородка, въ ней ломтики замерзшей печенки, и рядомъ бѣлая рѣдька.

У изголовья же кровати на полу валялась записная книжечка, и на послѣднемъ листикѣ старческимъ, неровнымъ почеркомъ написано:

„Вопросъ:

Гдѣ же ты, мать моя, Россія?

Отвѣтъ:

Нѣтъ матери, а есть сука, которая, наплодивъ дѣтей, не знаетъ, какъ мучатся они въ слезахъ и горѣ, разсѣянные по чужимъ странамъ, и предала ихъ безсердечно забвенію.

Генералъ - лейтенантъ Ю. Смачковъ.

1930 года 15 января".

СТРАСТЬ

I

Камина не было въ комнатѣ, гдѣ они собрались, и не трещалъ весело огонь въ немъ, и не была эта комната роскошной, какъ пишется во всѣхъ святочныхъ разсказахъ, ибо не только отсутствовала стильная мебель, ковры, бронза, картины выдающихся художниковъ, но не было пола и прочной крыши, и безсердечно поливалъ ихъ, просачиваясь сквозь гнилую кровлю, дождь.

Но все же они собрались въ ночь подъ Рождество Христово 1929 года.

Ихъ было трое: студентъ Вася — парадный кучеръ извѣстной фирмы погребальныхъ процессій, лейтенантъ Шмидтъ — лакей изъ ресторана „Яръ" и онъ, надворный совѣтникъ Перовъ — разносчикъ газетъ и владѣлецъ барака, гдѣ они собрались, и гдѣ было все его богатство въ видѣ поношеннаго платья, кривого стола и трехъ табуретокъ.

Но баракъ тѣмъ не менѣе стоялъ на большой нарядной улицѣ чужого столичнаго города, приткнувшись между уступами двухъ огромныхъ многоэтажныхъ домовъ, и въ его единственное окно виднѣлась, несмотря на дождь, красивая жизнь нарядныхъ мужчинъ, обворожительныхъ женщинъ,

тамъ... на улицѣ среди ослѣпительнаго свѣта моря огней.

Проносились автомобили, фіакры, гудѣли и бросали фіолетовыя искры трамваи, сновала публика.

На столѣ передъ собравшимися стоялъ баллонъ дешеваго краснаго вина и простыя глиняныя чашки.

Гости и хозяинъ, задумавшись, молчали.

— Вспомнимъ, господа, о красивомъ прошломъ и ни слова о горькомъ настоящемъ, — предложилъ, очнувшись, Перовъ.

— Вася, начинай. Какой твой лучшій день въ Россіи до бѣгства сюда?

Вяся сконфузился, но потомъ, застѣнчиво улыбаясь своими милыми глазами, откровенно сказалъ:

— Когда я поступилъ въ Харьковскій Технологическій институтъ по конкурсу и надѣлъ первый разъ форму студента съ золотыми наплечниками на тужуркѣ — этотъ день въ то время для меня былъ самый счастливый.

— Мнѣ казалось, что я не уступаю въ своемъ блескѣ гвардейскимъ офицерамъ и что общее вниманіе сосредоточено исключительно на мнѣ. Я даже чувствовалъ неловкость отъ такого своего превосходства надъ остальными людьми. Муракъ былъ преотмѣннѣйшій.

Вася заразительно разсмѣялся, вызвавъ улыбку на грустныхъ лицахъ своихъ собесѣдниковъ.

Всѣ чокнулись и молча выпили.

— Ваша очередь, Шмидтъ, — напомнилъ Перовъ.

Шмидтъ сурово пыхнулъ трубкой и хриплымъ простуженнымъ голосомъ коротко отвѣтилъ:

— Не помню такого дня, хотя... постойте...

Кривая и горькая гримаса легла на его бритое породистое лицо.

— Начну, какъ Вася.. Когда меня въ Кронштадтѣ боцманъ Свищевъ оглушилъ по головѣ прикладомъ и выбросилъ за бортъ линейнаго ко-

рабля „Андрея Первозваннаго", то я не погибъ. Окунувшись въ морѣ, я мгновенно очнулся и, отлично плавая, въ нѣсколько взмаховъ очутился у командного мостика какой-то подводной лодки. Послѣдняя, идя къ пристани, подхватила меня, и я остался жить.

— Въ то время я не осознавалъ еще глубочайшей трагедіи, переживаемой моей родиной, и свѣтло и радостно смотрѣлъ на будущее, и день чудеснаго спасенія причинилъ мнѣ радость. Да, господа, я былъ счастливъ!

— Значитъ моя теперь очередь, — серьезно сказалъ Перовъ.

Онъ откашлялся, немного подумалъ и началъ:

— Мнѣ особенно памятенъ 190... годъ, въ предѣлахъ Пермской губерніи, въ К... уѣздѣ. Помню, былъ я еще юноша совершенно, хотя имѣлъ дипломъ объ окончаніи одного высшаго учебнаго заведенія и носилъ на плечахъ погоны по должности земскаго начальника.

Зима стояла снѣжная, роскошная и пышная, какая бываетъ у насъ на далекомъ сѣверѣ.

Участокъ, въ которомъ я выполнялъ обязанности земскаго начальника, попался мнѣ огромный съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ, отстоялъ отъ уѣзднаго города К. въ ста сорока верстахъ и вы можете себѣ представить путешествія на саняхъ зимой въ этотъ городъ, такъ какъ въ то время о желѣзныхъ дорогахъ тамъ и не мечтали.

Между тѣмъ приходилось очень часто ѣздить въ этотъ городъ, то на засѣданія съѣзда земскихъ начальниковъ, то по вызову предсѣдателя съѣзда, то по чисто личнымъ дѣламъ.

— Налей, Вася, — остановилъ свой разсказъ Перовъ, — нужно промочить горло. Я не умѣю такъ кратко говорить, какъ ты и Шмидтъ.

Всѣ выпили.

Перовъ оживленно продолжалъ дальше:

— Какъ-то сижу вечеромъ одинъ одинешенекъ въ своей просторной квартирѣ, не помню хо-

рошо числа, не то 22, не то 23 декабря, и страшно скучаю. Я уже рѣшилъ итти спать, какъ раздался звонокъ въ передней, рѣзкій, продолжительный.

Зашлепали войлочные туфли кухарки Герасимовны и скоро она, хлопнувъ парадной дверью, вошла ко мнѣ.

— Вамъ, баринъ, телеграмма.

Разворачиваю и изумленно читаю:

„Вамъ скучно. Милый, пріѣзжайте на Сочельникъ къ намъ. Ваша семья далеко. Мы замѣнимъ здѣсь. Бѣлевичъ"

Я растроганно мялъ въ рукахъ эту телеграмму, и непередаваемое чувство благодарности затеплилось въ моемъ сердцѣ.

— Герасимовна, — радостно сказалъ я, — ѣду на праздники въ городъ К. къ непремѣнному члену Бѣлевичу: повеселюсь.

— Поѣзжай, родимый, что тебѣ здѣсь въ этой дырѣ дѣлать. Эхъ, бѣдный, ты бѣдный. Намедни мнѣ сама управительница говорила, что тебя женить надо.

Я улыбнулся, зная слабость жены управляющаго заводомъ Скобцова всѣхъ женить и выдавать замужъ.

— Чего смѣешься, — насупилась старая Герасимовна, — пора...

— Женюсь обязательно и въ эту зиму, — задорно сказалъ я и не зналъ, что нѣкоторымъ образомъ это мое пророчество исполнится.

II

— Вы не можете себѣ представить, что такое бѣшеная ѣзда по трактовымъ дорогамъ Пермской губерніи лѣтомъ или зимой безразлично.

— О, — восторженно поднялся Перовъ. — Я никогда не забуду!

Вася отъ любопытства раскрылъ ротъ, Шмидтъ попыхивалъ трубкой и внимательно слушалъ.

— Когда, по моему приказанію, — съ чувствомъ говорилъ Перовъ, — рано утромъ подали тройку лошадей, то, побрякивая колокольцами и бубенцами, она въѣхала во дворъ, причемъ ворота немедленно закрыли.

У лошадей стояло два конюха. Везъ самъ знаменитый ямщикъ Лукинъ. Лошади были вороной масти, небольшого роста, кряжистыя и злыя, тѣ лошади, которыми возилъ только „самъ“.

Лукинъ рѣзко отдавалъ распоряженія куда класть мои вещи и какъ лучше укутать меня.

Я, одѣтый въ оленью доху, жеребковую съ наушниками шапку и теплые собачьи сапоги, ввалился на подушки въ сани и немедленно былъ укутанъ теплыми мѣховыми одѣялами до шеи.

Лошади нетерпѣливо перебирали ногами.

— Отворяй, — тихо, но четко сказалъ Лукинъ, подбирая вожжи и бокомъ быстро садясь на облучекъ саней.

Ворота раскрылись.

Конюхи разсыпались въ стороны и лошади рванули...

— Иiихъ, — пѣлъ пронзительно и дико Лукинъ, подхлестывая кнутомъ мчащуюся быстрѣе вѣтра тройку взбѣсившихся коней.

Мелькали телеграфные столбы съ такой быстротой, что создавалось впечатлѣніе, что я ѣду курьерскимъ поѣздомъ, а не лошадьми.

Билъ и рѣзалъ мнѣ лицо морозный вѣтеръ, гудѣло въ ушахъ, и у меня было точно такое состояніе, когда въ первый разъ я впослѣдствіи подымался на аэропланѣ и мчался по небу съ чудовищной быстротой впередъ.

Сладко томительное и въ то же время непріятное чувство: вотъ-вотъ упадешь и разобьешься.

На пятой верстѣ лошади настолько успокоились, что Лукинъ перепрягъ ихъ гусемъ, въ виду того, что путь дѣлался все уже и уже.

Теперь онѣ шли шагомъ и только передняя „слѣдопытъ“ не угомонилась и дробно перебирала ногами, туго натянувъ постромки.

— Балуй! — ударилъ ее Лукинъ длиннымъ кнутомъ и она, вздрогнувъ, пошла шагомъ.

Такъ перемѣняя на каждой станціи лошадей, дѣлалъ я больше двадцати верстъ въ часъ, быстро приближаясь къ г. К. . . .

Но судьба зло посмѣялась надо мной: въ городъ К. въ этотъ день я не попалъ.

Не доѣзжая тридцати верстъ до города сломался полозъ моихъ саней.

Въ полуверстѣ стояла бѣдная черемиская деревушка Ташка.

— Посидите, баринъ, а я верхомъ мигомъ туда смотаюсь, — ткнулъ ямщикъ кнутовищемъ передъ собой, — у меня тамъ пріятель черемисъ Ванька, тоже ямщикъ. Передохнете въ этой деревнѣ, а мы сани справимъ и айда дальше. Дѣйствительно, черезъ двадцать минутъ на поданныхъ моимъ ямщикомъ другихъ саняхъ я уѣхалъ въ деревушку Ташку.

III

— Когда я вошелъ въ домъ ямщика, черемиса Ваньки, меня поразила необычайная красота низко мнѣ кланяющейся молодой женщины.

Какъ она была прекрасна!

Перовъ поблѣднѣлъ и, наливъ чашку вина, залпомъ выпилъ.

Никогда потомъ въ теченіе всей своей жизни я не видѣлъ красивѣе женщины, ни одной!

Эта дикарка-женщина обладала всѣми тайнами женскихъ утонченныхъ чаръ, толкающихъ муж-

чинъ на величайшія преступленія: убійства, казнокрадства, мошенничества, кражи... только не на подвиги.

Прелестное лицо ея было обвито черными, какъ змѣи, свисавшими на плечи и грудь, пышными косами.

Узкіе восточные миндалевидные глаза темнѣли, какъ ночь, и мѣняли каждую секунду свое выраженіе.

Упругая дѣвственная грудь была туго обтянута домашней работы полотняной рубашкой, расшитой разноцвѣтными нитками.

Бедра стягивала узкая и короткая юбка изъ подъ которой виднѣлись въ бѣлыхъ чулкахъ красивыя, стройныя ноги.

Мы были одни... и день началъ угасать, и предвечернія тѣни заползали въ домъ, и разлитъ былъ повсюду тотъ страшный полумракъ, который возбуждаетъ чувственность и страсть, и я, поддаваясь непонятному настроенію, взялъ ее за руки и шопотомъ спросилъ:

— Какъ тебя звать?

— Лель, — тихо отвѣтила она, и прильнувъ грудью ко мнѣ, приблизила лицо свое, тяжело дыша.

Тамъ, во дворѣ кричали, суетились, что-то дѣлали, ругались...

Здѣсь мы были одни.

— Лель? Красивое имя, — восхищался я и, притянувъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ глаза.

Она отвѣтила мнѣ страстнымъ со стономъ поцѣлуемъ въ губы и вся затрепетала, какъ раненая птица.

— Что съ тобой?

— Карашо!

Я совершенно не могъ понять какъ своего безразсуднаго влеченія къ этой странной женщинѣ, такъ и того, что она сама такъ же стихійно тянулась ко мнѣ, какъ слабая увядающая травинка — къ солнцу.

— Карашо, — шептала она и обнимала меня, осыпая поцѣлуями. — Карашо!!

Во мнѣ, наконецъ, проснулся звѣрь и, словно сквозь туманъ, представляю, что дѣлалъ я что-то несуразное, нелѣпое...

Помню я бросилъ ее на кровать и такъ-какъ она была въ полотняныхъ шароварахъ, то я съ чудовищной силой разорвалъ ихъ въ клочки...

— Карашо, — восторгалась Лель, когда я мялъ, тискалъ ее всю и мучилъ.

— Карашо, — улыбалась она и до крови кусала свои сочныя, красиво очерченныя, губы.

— Ооо, — улыбалась она и на ея глазахъ сіяли слезы счастья и страсти.

— Лель, — шепталъ я, — Лель.

— Конечно, мои поѣздки потомъ въ городъ К. участились, — смущенно закончилъ Перовъ и просительно сказалъ:

— Вася, налей, милый, выпьемъ, чортъ возьми! — Вася медлилъ и не наливалъ: онъ былъ весь подъ обаяніемъ разсказа.

Серьезенъ былъ и бритый Шмидтъ и даже не курилъ.

— Бываетъ, — буркнулъ онъ, — физическое родство натуръ...

— Въ чемъ же счастье? — робко спросилъ Вася, наливая вино.

— Счастье въ результатахъ этой страсти...

Перовъ, не глядя на своихъ друзей, сказалъ:

— Лучшимъ и самымъ счастливымъ днемъ моей жизни былъ день, когда Лель подарила мнѣ сына.

— Только невозможно опредѣлить, кто же больше радовался: я, Лель или ея мужъ, болѣзненный Ванька, въ теченіе пяти лѣтъ тщетно молившійся своимъ богамъ послать ему сына... И все же боги, наконецъ, смиловались надъ нимъ!

РЕВНОСТЬ

Посвящаю русской благородной женщинѣ въ изгнаніи.

Авторъ.

I

— Ты опять шаталась, — заикаясь, сквозь зубы процѣдилъ Скотовскій, когда его жена Вѣра, усталая, голодная, несчастная, съ опозданіемъ на часъ, пришла съ фабрики, гдѣ шила бѣлье.

— Нѣтъ, работала сверхсрочно одинъ часъ, — какъ автоматъ, отвѣтила она, не замѣчая ни злого тона мужа, ни его ненавистнаго взора, ни мефистофельскихъ въ стрѣлочку усовъ, ни лысаго противнаго черепа, блестѣвшаго, какъ кегельный шаръ.

— Почему ты такая истощенно блѣдная? У тебя по лицу разлита томность... Ты навѣрное опять гуляла съ этимъ Галѣемъ.

— Нѣтъ, не гуляла, — такъ же апатично отвѣчала она, снимая поношенный сакъ и черную старенькую шляпку.

Она сиротливо присѣла къ столу, опустила голову на руки и задумалась, глядя передъ собой въ пространство.

— О чемъ ты думаешь?

Скотовскій злобно поднялся, уронивъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и зашагалъ жидкими ногами въ англійскихъ обмоткахъ по маленькой комнаткѣ.

Она покорно перевела свой спокойный взоръ на его сузившіеся глаза, отвратительные, распаленные гнѣвомъ, недовѣріемъ, мукой, злобой и страстью.

На губахъ его она замѣтила сладострастную слюну и съ отвращеніемъ повела плечами.

— Ты видала его?... Говори! Цѣловалась, миловалась... — Онъ нагнулся къ ней и, обдавая запахомъ гнилыхъ зубовъ, шипѣлъ:

— Сознайся, ты любишь Галѣя? И онъ тебя...

— Подлецъ! — возмущенно отвѣтила она, — и престарый подлецъ!

Она съ брезгливостью вспомнила, какъ онъ, по своему безсилію и истасканности, часто, не будучи въ состояніи выполнять обязанностей мужа, мучилъ ее...

— Подлецъ! — еще разъ сказала она и поднялась, чтобы уйти.

— Куда? — грубо схватилъ Скотовскій свою жену за плечи и съ силою встряхнулъ.

Отъ боли она заплакала, какъ маленькая дѣвочка. Худенькія плечи ея дрожали, сквозь тонкіе пальцы блѣдныхъ съ синими жилками рукъ, прижатыхъ къ лицу, текли слезы отчаянія и безпомощности.

— Ууу. Шлюха...

Онъ сжалъ кулаки и потрясъ ими надъ ея темнокудрой головкой.

— Бей, — плача говорила она, — бей. Я же не измѣняла... Бей!

Въ глазахъ ея свѣтился страхъ собаки передъ хлыстомъ своего господина.

На него эта сцена подѣйствовала, наоборотъ, успокоительно:

— Пожалуй, что и не виновна.

Скотовскій мгновенно перемѣнилъ свою роль.

— Вѣрочка, прости, больше это не повторится...

Скотовскій сталъ на колѣни, припалъ къ маленькой ножкѣ въ подранномъ ажурномъ чулкѣ и началъ цѣловать.

— Клянусь, этихъ сценъ больше не будетъ!

Онъ, цѣлуя ножку, постепенно подымалъ порыжѣлое платьице изъ дешевой бумазеи и, дойдя до блѣднаго тѣла, присосался губами.

Она съ гадливостью смотрѣла на его лысую голову, весь въ морщинахъ затылокъ, и ее стало мутить...

II

Скотовскій, изъ отставныхъ подпоручиковъ, бывшій становой приставъ К-го уѣзда одной изъ южныхъ губерній.

Для чего и какъ онъ попалъ заграницу, онъ и самъ не понималъ.

Образованіе имѣлъ скудное, окончилъ юнкерское старыхъ годовъ училище, когда шесть классовъ гимназіи давали право на поступленіе въ него, агитаціей не занимался, книгъ антибольшевицкихъ не писалъ, ибо вообще, кромѣ полицейскихъ протоколовъ, ничего не умѣлъ писать, отвѣтственныхъ должностей не занималъ, буржуемъ не состоялъ, такъ какъ всю свою жизнь прожилъ на скудное жалованье и немного, по секрету сказать, пріумножалъ свое благосостояніе въ бытность военнымъ отъ пайковъ „солдатушекъ, браво ребятушекъ", а ставъ приставомъ — отъ „доброхотныхъ и щедрыхъ даяній".

— А вотъ, подишь ты, бѣжалъ съ самимъ генераломъ Врангелемъ заодно, какъ контръ-революціонеръ и отвѣтственный противобольшевицкій дѣятель.

Ошибка, конечно, ибо едва ли съ нимъ большевики сводили бы счеты.

Думается, что онъ. по примѣру своихъ оставшихся товарищей, сейчасъ преуспѣвалъ бы по „милицейской части“.

Такъ или иначе, но Скотовскій эмигрировалъ въ Югославію и по началу недурно жилъ.

Получая пособія отъ Державной Комиссіи и другихъ учрежденій, онъ опредѣленно пополнѣлъ, и на лысинѣ у него, къ удивленію всѣхъ, появился рыжеватый пушокъ безмятежнаго довольства.

Былъ онъ весьма богомольный человѣкъ. Ни одной службы въ русской церкви не пропускалъ и всѣ рѣшительно праздники молился съ колѣнопреклоненіемъ, біеніемъ себя въ грудь и съ широкимъ крестнымъ знаменіемъ „съ удавленіемъ на лобъ, животъ и плечи“.

— Грызи Бога за пятки, и доходъ будетъ, — кощунственно въ пьяномъ видѣ говорилъ онъ своимъ собутыльникамъ и дѣйствительно извлекалъ доходы.

Съ самимъ Патріархомъ чуть ли не былъ знакомъ.

Насколько Скотовскій спеціализировался въ полученіи разныхъ пособій, можетъ служить слѣдующій фактъ.

Въ Севастополѣ, при эвакуаціи войскъ генерала Врангеля, его назначили наблюдать за порядкомъ погрузки какъ частей, такъ и бѣженцевъ. конечно, въ самыхъ второстепенныхъ роляхъ.

Съ того времени, неизвѣстно почему, онъ началъ носить серебряные погоны и фуражку морского вѣдомства.

Когда же въ Бѣлградѣ, пропивъ все, что имѣлъ, онъ очутился однажды въ трагическомъ положеніи, выходъ все же нашелъ, ибо, ссылаясь на свои заслуги передъ черноморскимъ флотомъ, у морского военнаго агента получилъ тысячу динаръ пособія.

III.

Но съ годами дѣла шли все хуже и хуже, такъ какъ пособія пересталъ давать даже господинъ Палеологъ, особенно симпатизировавшій полицейскимъ чиновникамъ.

Вотъ тогда и пришлось Скотовскому поступить на службу въ „Музей древностей"*) на семьсотъ динаръ въ мѣсяцъ.

„Музей древностей" — чисто благотворительное учрежденіе, и много непригодныхъ къ труду и неприспособленныхъ для тяжелой бѣженской жизни бывшихъ русскихъ людей нашли тамъ пріютъ...

IV

И стала кусать жизнь.

Койка въ баракѣ — грязномъ, вшивомъ, гдѣ когда-то была конюшня, — это квартира.

Плата же — съ кипяткомъ для чая — сто динаръ въ мѣсяцъ.

На обѣдъ и ужинъ ежедневно шло не меньше пятнадцати динаръ, а въ мѣсяцъ и всѣ пятьсотъ динаръ.

Дальше: мойка бѣлья, табакъ, вино и ракія, ибо Скотовскій выпить былъ не муракъ.

И жить стало невозможно.

Вспомнилъ тогда Скотовскій, что въ Россіи живетъ молодая жена, пригожая, рукодѣльница, умница, образованная... На всѣ руки мастерица.

Зналъ давно Скотовскій, какъ его товарищи благодаря женамъ уютно и чисто живутъ въ бѣдныхъ, но самостоятельныхъ квартирахъ, живутъ, не голодая, такъ какъ жены всегда на фабрикахъ

---

*) Державная статистика.

больше зарабатываютъ своихъ мужей и имъ помогаютъ.

— Надо выписать, — рѣшилъ однажды онъ. — Меня на ноги поставитъ и за комиссара не выйдетъ: — тамъ теперь вольготно...

Онъ, дѣйствительно, осушивъ полъ-литра ракіи, написалъ подъ вдохновеніемъ слѣдующее письмо женѣ:

„Моя дорогая, безцѣнная, любимая Вѣрочка!

Пріѣзжай ко мнѣ. Употреби всѣ мѣры и средства, душу продай чорту для достиженія цѣли. Здѣсь мы живемъ, словно въ раю, въ прежнихъ дореволюціонныхъ положеніяхъ и условіяхъ. Взять меня — служу на государственной службѣ въ „Музеѣ древностей“ и такъ же чувствую себя привольно, какъ приставомъ въ своемъ станѣ. Даже лошадей держу. Только птичьяго молока не достаетъ. Пріѣзжай для жизни барыни, какой ты и должна быть, какъ моя жена. Кстати, возьму отпускъ, и мы съ тобой прокатимся немного по Италіи, Испаніи, Франціи и Швейцаріи. Прилагаю свою карточку.

Безконечно тебя любящій, твой законный мужъ
Алеша Скотовскій“.

V

На фотографической карточкѣ красовалась воистину внушительная фигура военнаго въ погонахъ, съ характерной фуражкой морского офицера, съ сытымъ довольнымъ лицомъ и съ орденомъ Св. Анны на шеѣ.

Когда эту карточку и письмо получила Вѣра Васильевна Скотовская, она, занимавшая въ губернскомъ комиссаріатѣ по народному просвѣщенію приличную обезпеченную службу въ извѣстномъ городѣ К., задумалась.

У нея было уютное гнѣздо неразрушенной квартиры: ковры, простые, но красивые; мебель, не дорогая, но удобная, разумно сдѣланная для покойнаго сидѣнія; столы, шкафчики, этажерки — все было на своемъ мѣстѣ; на стѣнахъ висѣли дешевыя картины съ березками, мельницами, нивами, лѣсистыми рощами, тройками и волками...

Все родное и близкое и никогда, никогда не забываемое...

И задумалась она, и горько стало у ней на душѣ.

Вспомнила она свое замужество въ тысяча девятьсотъ пятнадцатомъ году. Въ то время она окончила гимназію и по приказанію родныхъ стала Скотовской.

Жили потомъ такъ себѣ, блѣдно, скучно, не весело и не радостно, какъ и многіе другіе.

Но Божье благословеніе брака въ душѣ Вѣры Васильевны сіяло непреоборимымъ закономъ вѣрности, преданности и, безмѣрно превосходя умомъ ограниченнаго главу дома, она не давала этого ему чувствовать...

Въ дни безкровной революціи, напуганный случаемъ въ своемъ станѣ съ урядникомъ Швайкусомъ, котораго за угожденіе помѣщикамъ крестьяне посадили на колъ, Скотовскій бросилъ на произволъ судьбы жену и позорно бѣжалъ изъ родныхъ насиженныхъ мѣстъ неизвѣстно куда...

И думала Вѣра Васильевна, долго, долго:

Ѣхать или нѣтъ?

Тѣмъ не менѣе рѣшила:

Ѣхать, ибо сказано въ Евангеліи, которое она читала каждый вечеръ: „Замужняя жена привязана закономъ къ живому мужу; а если умретъ мужъ, она освобождается отъ закона замужества“.

Поѣхала бѣдная.

VI

Невозможно описать, чего стоила эта поѣздка для Вѣры Васильевны Скотовской и съ какими опасными приключеніями для жизни она очутилась въ Польшѣ и сколько потратила и денегъ, и силъ, и здоровья, пока достигла Сербіи и, наконецъ, попала въ объятія совершенно опустившагося, обовшивѣвшаго супруга съ перегаромъ спирта во рту и... не имѣющаго даже своего угла.

Одѣтъ онъ былъ неряшливо и въ порванномъ френчѣ. Изъ носка одного башмака виднѣлась грязная онуча, а на синихъ брюкахъ бѣлыми нитками пришита была черная большая латка.

Цѣлуя его со слезами горя, разочарованія, испуга, стыда, Вѣра Васильевна почувствовала гнилой запахъ давно немытаго тѣла и ужасалась, какъ же она съ нимъ будетъ жить.

— Вотъ спасибо, — заикаясь отъ восторга, выдавливалъ Скотовскій изъ себя слова, — теперь, Вѣра, заживемъ, какъ и всѣ. Молодчага, право!

Онъ двусмысленно захихикалъ и игриво ткнулъ ее плечомъ.

Спали они въ эту ночь въ полуразрушенномъ трамвайномъ вагонѣ, набитомъ милліонами клоповъ, во дворѣ электрической станціи на Александровской улицѣ.

VII

Утромъ рано Скотовскій продалъ въ одномъ аукціонномъ магазинѣ на Теразіи привезенныя Вѣрой Васильевной сережки червоннаго золота, цѣпочку съ золотыми часиками — подарокъ отца, — брошку и заодно и икону Божьей Матери въ серебряномъ окладѣ — благословеніе ея матери.

Была нанята квартира, купленъ примусъ, посуда и... Вѣра Васильевна поступила на фабрику...

VIII

Однажды къ Скотовскимъ зашелъ бѣженецъ-помѣщикъ Галѣй.

До пріѣзда Вѣры Васильевны такія посѣщенія для ея мужа Скотовскаго составляли праздникъ: онъ у Галѣя занималъ безъ отдачи деньги, пилъ-ѣлъ на его счетъ, бралъ папиросы, а разъ по ошибкѣ какъ-то цѣнный его портфель очутился, какъ залогъ, за два литра дрянного вина въ кафанѣ „Сигара".

Теперь же Скотовскій принялъ его болѣе чѣмъ сухо. Галѣй былъ красивый, энергичный, атлетическаго сложенія мужчина и „душа общества". И не было ничего удивительнаго, что онъ моментально заговорилъ Вѣру Васильевну до веселаго безудержнаго смѣха, давно Скотовскимъ не слыханнаго.

— Вишь, какъ смѣется, стерва, — съ чувствомъ отживающаго стараго самца думалъ Скотовскій и хрустѣлъ пальцами.

Когда же нежелательный гость ушелъ, онъ, какъ бы невзначай, бросилъ:

— Жохъ парень: бабникъ и циникъ...

Вѣра Васильевна ничего не сказала, но удивленно посмотрѣла на мужа.

Послѣ его лживаго въ Россію письма, а благодаря этому письму — безпросвѣтной жизни фабричной работницы, она не уважала своего мужа и не вѣрила ему.

Но безропотно мыла его грязное бѣлье, чинила одежду, чистила ему сапоги, убирала комнату, готовила обѣды и ужины и все урывками между

рабочими часами на фабрикѣ, которыхъ было десять каждый день.

Скотовскій принималъ все это, какъ должное, работая въ „Музеѣ древностей“ только полдня.

Отъ регулярнаго бездѣлья и беззаботнаго житья, онъ снова пополнѣлъ и на лысинѣ у него появился еще больше рыжій пушокъ.

IX

— Алеша, другъ милый — заплетающимъ языкомъ говорилъ, вваливаясь въ комнату вечеромъ пьяный его товарищъ, бывшій полицейскій надзиратель Хваткинъ и, увидя Вѣру Васильевну, качнулся назадъ отъ неожиданности и испуганно оглянулся.

— Пааардонъ, божественная незнакомка.

Хваткинъ икнулъ и, глядя въ лучистые глаза Вѣры Васильевны, удивленно и трезвымъ голосомъ спросилъ:

— Какъ же вы съ этой старой калошей, красавица, живете? Вѣдь онъ же преотмѣнная ладанная сволочь съ елеемъ отъ копытъ всѣхъ чертей ада...

Хваткинъ сорвалъ съ шеи грязный — черный въ бѣлыхъ горошинкахъ — галстукъ и бросилъ его въ лицо Скотовскому.

— Подымай мою перчатку и... дуэль!

— Пьяный муракъ, это же моя жена, — гордо отвѣтилъ Скотовскій.

— Твоя жена? — удивился Хваткинъ и, оскорбленный такимъ сообщеніемъ, не прощаясь, вышелъ.

— Боленъ нехорошей болѣзнью, — сказалъ многозначительно Скотовскій, — и... вообще дрянь человѣкъ.

Вѣра Васильевна весело разсмѣялась.

— Не вѣришь?

— Не то, что не вѣрю, а зачѣмъ ты мнѣ говоришь о всѣхъ мужчинахъ, которые къ намъ ходятъ, однѣ гадости.

Вѣра Васильевна еще разъ пристально взглянула на мужа и, видя съузившіеся до щелокъ его глаза, съ ненавистью обращенные на нее, поблѣднѣла и со страхомъ, не мигая, какъ на удава, смотрѣла.

— Знай, что если заведешь себѣ дружка здѣсь, пойду на скандалы и преступленія... Это тебѣ не Россія, гдѣ пожаловалась комиссару и мужа по шапкѣ... У насъ тутъ строго... и всѣ русскія власти на моей сторонѣ...

Вѣра Васильевна съ трудомъ отвела въ сторону свой взоръ и грустно поникла головой.

X

Скотовскій, чувствуя свою физическую безпомощность, положительно боялся потерять молодую и красивую жену, давшую ему уютъ и безпечальную сытую жизнь безъ страха за будущій день.

Онъ не могъ безъ содроганія теперь вспоминать своей одинокой жизни до пріѣзда Вѣры Васильевны.

Этотъ страхъ усиливался обычными въ эмиграціи явленіями, когда, разочаровавшись другъ въ другѣ, жены и мужья расходились.

Иногда, желая поднять свой авторитетъ передъ Вѣрой Васильевной все въ тѣхъ же соображеніяхъ шкурнаго вопроса, Скотовскій по вечерамъ, гордо поднявъ лысый черепъ, говорилъ такъ же важно, ему казалось, какъ губернаторъ генералъ Келлеръ, при которомъ онъ началъ службу въ полиціи:

— Сегодня былъ въ офицерскомъ и другихъ

собраніяхъ... Вернусь въ Россію или исправникомъ или полицмейстеромъ: это уже мнѣ обезпечено.

Вѣра Васильевна не возражала и думала постоянно одну горькую думу: „Почему Богъ не далъ ей дѣтей? былъ бы все же смыслъ жизни“.

Такъ она, все больше втягиваясь въ свои размышленія, неизмѣнно молчала, приводя порой этой покорностью судьбѣ въ бѣшенство Скотовскаго.

Почему ты все молчишь? — скрежеталъ онъ зубами.

XI

Владиміръ Петровичъ Галѣй очень часто сталъ бывать у Скотовскихъ, желая отдохнуть душой.

Своюжену и четырехъ дѣтей онъ не посмѣлъ вызвать изъ Россіи, мало этого, онъ неоднократно писалъ:

„Терпи, если живешь въ бѣдности... Помни, что жизнь на родной землѣ, даже въ нищетѣ, неизмѣримо выше и счастливѣе — богатой на чужбинѣ. И еще знай, я не желаю, чтобы дѣти мои хотя бы на минуту порвали связь съ Россіей, находящейся сейчасъ въ мукахъ и страданіяхъ. Только внѣдряй въ душахъ ихъ вѣру въ Бога и Его правду... О, Россія, не сегодняшняго, а завтрашняго дня, обопрется, возрождаясь, на плечи только моихъ дѣтей, ибо они будутъ первыми новорожденными изъ ея утробы, они перенесшіе все страшное, кошмарное и ужасное на тѣлѣ своей матери, кость отъ кости ея и плоть отъ плоти... страдальцы изъ страдающей, мученики изъ мучащейся... И не вѣрь въ идиллію здѣсь невозвратнаго прошлаго, ибо многія

институтки по окончанiи курса служатъ фабричными работницами, а нѣкоторые несчастные кадеты — чернорабочими".

И потому жилъ Владимiръ Петровичъ одинъ. Человѣкъ съ высшимъ образованiемъ, блестящiй кавалерiйскiй офицеръ, онъ ни по уму, ни по понятiямъ жизни, ни по воспитанiю абсолютно ничего не имѣлъ общаго съ Скотовскимъ, но знакомъ былъ еще по Россiи съ нимъ, до революцiи, такъ какъ имѣнiе его находилось въ станѣ послѣдняго, а потому иногда приходилось вспоминать прошлое.

Познакомившись съ Вѣрой Васильевной и видя бѣдность Скотовскихъ, а главное, узнавъ о каторжномъ ея трудѣ на фабрикѣ, онъ всячески старался искренно помочь имъ обоимъ, не задѣвая самолюбiя.

Приходилъ въ праздничные дни то обѣдать, то ужинать, приглашалъ къ себѣ, водилъ въ кинематографы и сады, давалъ взаймы деньги.

Скотовскiй охотно принималъ подарки Галѣя, но, оставшись наединѣ съ женой, всегда презрительно говорилъ:

— Пустой человѣкъ... однимъ словомъ кавалерiя... жена въ Россiи... самъ навѣрное развратничаетъ...

Вѣра Васильевна возмущенно возражала:

— Какъ ты не хорошо дѣлаешь постоянно осуждая людей и навѣрное порядочныхъ.

— Порядочныхъ, — заикался Скотовскiй и брызгалъ слюной черезъ переднiе щербатые зубы. — Отъявленная сволочь. И ты заруби себѣ на носу: я больше тебя съ нимъ въ кинематографъ не пущу. Ни, ни, ни!

Но когда потомъ являлся Галѣй и предлагалъ пойти вмѣстѣ въ кино, Скотовскiй, не давая сказать слова женѣ, поспѣшно отвѣчалъ:

— Я не пойду, а вотъ Вѣрочку возьмите: она ужасно устаетъ на фабрикѣ. Пусть немного развлечется.

И Вѣра Васильевна уходила съ Галѣемъ, а Скотовскій, оставшись одинъ, быстро бѣгалъ по комнатѣ съ испариной на лбу и думалъ самыя гнусныя вещи о своей женѣ.

Возвращалась она домой обыкновенно веселая, оживленная, смѣющаяся.

Скотовскій, сдерживая злобу, обычно въ такихъ случаяхъ начиналъ нѣжнымъ голосомъ:

— Хорошія видѣла картины?

— Очень.

— Ты, милая, не стѣсняйся. Если этотъ Галѣй тебя любитъ и возьметъ въ сожительницы, я уйду въ сторону и не буду мѣшать... Была бы ты только счастлива...

— Что съ тобой? Зачѣмъ эти слова? Я же жена... За кого ты меня считаешь?

Сначала Скотовскій при такихъ словахъ успокаивался, но червь сомнѣнія грызъ его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе...

Однажды, упавъ на колѣни и плача, онъ шепталъ:

— Признайся, ты съ нимъ въ связи.

Краска обиды и стыда бросилась ей въ лицо и она истерично крикнула:

— Негодяй!

Негодяй мгновенно перестал плакать и жестоко, въ первый разъ за всю жизнь, избилъ ее...

XII

Узнавъ объ отвратительныхъ сценахъ ревности въ семьѣ Скотовскихъ, Галѣй съ чувствомъ гадливости пересталъ не только ходить къ нимъ, но и избѣгалъ встрѣчъ съ Вѣрой Васильевной.

— Какое несчастье, — огорченно думалъ онъ. — И какую глупость сдѣлала Вѣра Васильевна, что

прибыла сюда для счастливой жизни съ держимордой и скотомъ.

Несмотря на то, что Галѣй совершенно исчезъ изъ жизни семьи Скотовскихъ, тотъ, не переставая, ревновалъ ее... Онъ чернилъ и поносилъ ее и передъ товарищами, и передъ своими семейными знакомыми и сосѣдями и даже передъ газетчиками...

Бѣдная женщина терпѣливо молчала. Она осунулась, похудѣла, опустилась. Ходила въ дырявыхъ башмакахъ и грязныхъ чулкахъ, небрежно причесанная, безпорядочно одѣтая, и думала, думала безъ конца:

„Почему нѣтъ ребенка? О, тогда бы она смогла жить"

XIII

На островѣ, среди большой красивой рѣки, былъ пляжъ.

Дамы и мужчины въ купальныхъ костюмахъ грѣлись подъ лучами лѣтняго солнца на пескѣ, плескались въ быстро бѣгущей рѣкѣ, смѣялись, шалили и радовались счастью жизни, ибо наслаждались ею.

И было странно видѣть въ бѣломъ дешевомъ платьицѣ не женщину, а скорѣе дѣвушку съ безумными слезливыми глазами, бѣгающую по острову.

— Держи, — раздался пронзительный крикъ, и въ то же время зашипѣла пѣной рѣка у водоворота, мелькнуло на мигъ бѣлое платье, показалась маленькая сухая рука, словно водоросли злымъ порывомъ воды разметались волосы косы... и ничего больше...

Вода бѣжала попрежнему, крутилась винтомъ, затихала, снова крутилась и кой гдѣ бросала брыз-

ги вѣчныхъ роковыхъ слезъ, никогда не высыхающихъ и ищущихъ жертвъ...

— Утонула! — гудѣла возбужденная толпа.

И въ этотъ день, послѣ, никто изъ находящихся на пляжѣ не купался.

XIV

Когда Скотовскій пришелъ домой изъ русской церкви, гдѣ съ умиленіемъ, на показъ, среди боевыхъ знаменъ, возведя очи горѣ, молился, то его вниманіе привлекла маленькая бѣленькая записочка на столикѣ у кровати жены. Тутъ же лежало обручальное колечко и письмо сестры изъ Россіи, въ которомъ она укоряла Вѣру Васильевну за измѣну мужу съ какимъ-то Галѣемъ.

Въ записочкѣ значилось:

„Я ухожу изъ этого міра, не давшаго мнѣ счастья, ухожу чистой передъ Богомъ и тобой - ненормальнымъ, больнымъ и слабоумнымъ человѣкомъ и пошлымъ мужемъ. Да проститъ меня Господь по Своему милосердію и тебя, виновника моего страшнаго рѣшенія. Вѣра".

Прочитавъ записочку, Скотовскій на секунду замеръ, но потомъ завылъ, какъ шелудивая собака, и, свалившись на полъ, билъ ногами и рвалъ на себѣ одежду...

Окончилъ жизнь онъ въ больницѣ для душевно больныхъ, причемъ врачи опредѣлили, что потерявшимъ нормальный разумъ онъ былъ уже около восьми лѣтъ.

Но сторожа въ „Музеѣ древностей" утверждали, что Скотовскій живъ и по ночамъ бродитъ по музею не только на мужской половинѣ, но, цинично хихикая, иногда заглядываетъ и въ женскую.

КОТЫ

(Таинственное происшествіе)

I

Красивый, упитанный черный котъ, жалобно мяукая и сердито фыркая, присосался къ фонарному столбу на окраинѣ тихаго и спокойнаго города — Земуна.

Два русскихъ, почтенныхъ полковника - бѣженца стояли тутъ-же и оживленно шопотомъ переговаривались между собой, съ безпокойствомъ поглядывая на кота.

— Какъ-бы не убѣжалъ? — взволнованно говорилъ одинъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ, — возмущался другой. — Ты только посмотри на его шерсть, чистѣйшій бархатъ...

— А мѣшокъ не забылъ?

— Тутъ, — успокоительно отвѣтилъ тотъ и съ вожделѣніемъ вновь уставился на кота.

— Хитрый только, чортъ!

— И злой, видишь, какъ хвостомъ лупитъ себя по бокамъ... А хорошъ!

Оба, задравъ головы вверхъ, тяжело вздыхали.

— Кисенька, кисенька, — нѣжнымъ барито-

номъ началъ пѣть полковникъ Мировъ, — Васенька!

— Кс, кс, мррр, — божественнымъ теноромъ мурлыкалъ полковникъ Ершовъ и для чего-то присѣдалъ, картинно разводилъ руками и перебиралъ пальцами, какъ на струнахъ гитары.

Но котъ, охвативъ лапами столбъ, упорно не слѣзалъ.

— Кисенька, кисенька...

— Мрр.. кс... кс...

Сверху въ отвѣтъ иногда пронзительно и недовѣрчиво неслось:

— Мяу, мяу...

Невдалекѣ стоявшій лягавый песъ Неронъ долго и внимательно наблюдалъ за дѣйствіями людей и рѣшилъ, наконецъ, придти на помощь.

Восторженно виляя хвостомъ, онъ оглушительно тявкнулъ на кота:

— Гавъ, гавъ!

Напуганный и безъ того котъ на полметра поднялся вверхъ къ непередаваемому ужасу обоихъ полковниковъ.

— Убѣжитъ, — дрожащимъ голосомъ говорилъ Мировъ, утирая платкомъ потъ на взволнованномъ блѣдно-сѣромъ лицѣ.

— Пшелъ! — истерично накинулся Ершовъ на непрошеннаго помощника и такъ пребольно ткнулъ ногой, что тотъ съ визгомъ мгновенно исчезъ въ подворотню.

— Повѣришь ли, чуть сердце не лопнуло черезъ эту паршивую собаку.

Онъ пристально, словно подъ гипнозомъ, смотрѣлъ на кота и разводилъ растерянно руками.

— Знаешь что, — началъ болѣе нетерпѣливый Мировъ, — хвачу-ка я его камнемъ.

— Что-ты! — поблѣднѣлъ Ершовъ. — Эти американки только живыхъ котовъ.... понимаешь, живыхъ... Камнемъ? Эхъ ты!

Ершовъ укоризненно посмотрѣлъ на Мирова и, изобразивъ на своемъ давно небритомъ, щети-

нистомъ лицѣ, какъ ему казалось, самую обворожительную улыбку, нѣжно и задушевно опять началъ:

— Ксс... слѣзай милый... кс, кс...

— Спускается! — радостно вдругъ крикнулъ Мировъ, не мигая, наблюдавшій за всѣми движеніями кота.

— Тс, ни слова больше!

Уставшій котъ дѣйствительно медленно и осторожно началъ спускаться.

— Мѣшокъ, — захлебывался шопотомъ Ершовъ, — приготовь мѣшокъ!

— Ксс... не бойся киценька... уу... голубчикъ!

II

Передъ начальникомъ почтовотелеграфной Земунской конторы въ одиннадцать часовъ дня появилась типичная, въ рваной англійской шинели, фигура русскаго бѣженца съ огромной барашковой шапкой на головѣ.

За плечами она держала мѣшокъ, который вздрагивалъ подъ злобное шипѣніе и рычаніе какихъ-то барахтавшихся въ немъ звѣрей.

— Что тамъ у васъ? — изумленно спросилъ почтмейстеръ.

— Товаръ! Привезъ сейчасъ изъ Панчева, — значительно отвѣтила фигура и переложила мѣшокъ на другое плечо.

По конторѣ отчетливо пронеслось кошачье мяуканье.

— Мачки! — удивились чиновники и повскакали.

Фигура небрежно бросила:

— Коты черные и бѣлые. Безъ подпалинъ. Чистѣйшей воды!

И не обращая никакого вниманія на поднявшійся смѣхъ въ конторѣ, фигура преспокойно протянула заказное письмо въ Россію.

На лицѣ почтмейстера застылъ вопросъ недоумѣнія и тревоги.

— Чортъ его знаетъ, можетъ сумасшедшій, — боязливо думалъ онъ.

— Почему вы въ Панчевѣ не сдали своего письма?

— Панчевѣ? — ехидно протянула фигура и ощетинилась.

— Ну да?

— Никакъ невозможно, — желчно покачала она головой.

— У насъ въ Панчевѣ, — добавила она, нагнувшись къ почтмейстеру, — говорятъ одинъ русскій контролируетъ наши письма. А я не желаю, чтобы какой то шпіонъ зналъ, что я пишу своей молодой женѣ. У ней тамъ и родинки и другое-этакое такое аппетитное..... Гм!

Фигура взъерошила шапку и мрачно спросила:

— А у васъ тутъ контроль?

— Нѣтъ! — улыбнулся почтмейстеръ.

— То-то! я въ этомъ письмѣ вспоминаю, какъ медовый проводили...

Получивъ квитанцію на письмо, фигура тряхнула шипѣвшимъ мѣшкомъ и хладнокровно вышла, хлопнувъ выходной дверью.

III

Въ тотъ-же день, когда происходили вышеописанныя непонятныя событія, на пароходѣ, курсирующемъ между Бѣлградомъ и Земуномъ, произошелъ одинъ странный случай, почти загадочный.

Русскій генералъ-лейтенантъ Лазаревскій, довольно таки преклоннаго возраста, войдя съ кор-

зиной на палубу парохода, гдѣ скопилось много народа, дико вскрикнулъ.

И въ тотъ-же мигъ у него изъ корзины выскочилъ бѣлоснѣжный котъ и, задравъ хвостъ трубой, понесся по палубѣ.

Сѣдой генералъ Лазаревскій, прихлопнулъ корзину и не выпуская ея изъ дрожащихъ рукъ, съ пыломъ юноши, бросился за котомъ:

— Держите! — хрипѣлъ онъ.

Публика охотно начала ловить бросающагося во всѣ стороны кота.

Одна дама взмахнула даже зонтикомъ, желая остановить кота, но онъ съ разгона очутился на шляпѣ сосѣдней съ ней дамы, истерично завизжавшей, оттуда — на капитанскомъ мостикѣ, потомъ на спинѣ рулевого и, наконецъ, съ трехсаженной вышины бросился на палубу и исчезъ въ каютѣ, на которой стояла надпись: „куйна“.

— Убѣжалъ!

Убитый горемъ генералъ безсмысленно оглядывался по сторонамъ.

— Это вашъ котъ? — вѣжливо подошелъ къ нему чиновникъ въ морской формѣ.

— Мой!

— У насъ за это полагается штрафъ, — виновато говорилъ чиновникъ, смущенно поглядывая на бѣдную одежду и печальное лицо генерала.

— Что вы! Я сейчасъ потерялъ, быть можетъ, три тысячи динаръ, — жалобно запротестовалъ генералъ, — а вы — штрафъ.

— То есть? — растерялся чиновникъ.

Генералъ Лазаревскій отвелъ чиновника въ сторону, гдѣ не было любопытныхъ, и очень убѣдительно что-то ему доказывалъ.

— Гм... — задумался чиновникъ.

— И этотъ котъ, который на пароходѣ, по вашему мнѣнію, стоитъ три тысячи динаръ? — оживленно переспросилъ чиновникъ.

— Возможно и больше: у самого премьеръ-

министра Петра Живковича поймали въ министерствѣ. Воинственный котъ! Шерсть-то какая...

— Мы сдѣлаемъ такъ, — ласково пожимая руку генералу, говорилъ чиновникъ, — штрафа съ васъ не возьмемъ, но котъ пусть уже будетъ пароходнымъ... у насъ того... мышей многó.

Онъ круто повернулся и очень быстро вошелъ на капитанскій мостикъ. Здѣсь жестикулируя руками, онъ горячо разговаривалъ съ капитаномъ и рулевымъ. Тѣ съ удивленіемъ пожимали плечами. Наконецъ, капитанъ, сіяя глазами, мотнулъ утвердительно головой и свистнулъ. Появился матросъ и, напряженно выслушавъ приказаніе, волчкомъ завертѣлся по желѣзной винтовой лѣстницѣ, сдѣлалъ два прыжка по палубѣ и скрылся на кухнѣ.

Бѣлый огромный котъ мурлыкалъ и, дугой выгибая спину, терся тамъ у ногъ кухарки Анки Диничъ, которая очень любила котовъ и была пріятно изумлена, когда котъ вбѣжалъ къ ней.

Матросъ нагнулся, погладилъ шершавой рукой кота по спинѣ и восхищенно сказалъ:

— Три тысячи динаръ стоитъ! Отъ самого генерала Живковича. Школованный! Чудеса! Ты смотри, Анна, береги кота... Капитанъ приказалъ.

— Ладно!

Когда потомъ матросъ докладывалъ капитану, тотъ еще разъ строго замѣтилъ:

— Беречь, кормить! Генеральскій котъ... Лапой махнетъ — когтемъ ухватитъ... Всѣмъ котамъ котъ!

IV

Торгующій на базарѣ въ Земунѣ хлѣбомъ русскій бѣженецъ Михайловъ чрезвычайно былъ испуганъ, когда къ нему явился съ корзиной въ

рукахъ генералъ Лазаревскій и, выразительно указывая на нее глазами, съ достоинствомъ сказалъ:

— Четыре! Безъ отмѣтинъ. День и ночь. Свѣтъ и тьма. Ангорская шерсть. У насъ теперь въ Бѣлградѣ образовалось акціонерное общество „Котолововъ“.

— Что вы говорите? — ужаснулся Михайловъ.

— Серьевно. Завтра другую корзину привезу. Желаете посмотрѣть и оцѣнить. Вы вѣдь представитель этихъ оригинальныхъ двухъ американокъ, скупающихъ котовъ. Очень радъ познакомиться.

Генералъ стиснулъ руку Михайлову и благодарно на него посмотрѣлъ.

— Повнимательнѣе только осматривайте котовъ. Я, пожалуй, за эту первую партію не больше десяти тысячъ возьму. Чего тамъ скупиться.

Генералъ нагнулся было, чтобы вскрыть корзину, но появилась фигура съ мѣшкомъ на плечахъ и, не здороваясь, прямо приступила къ дѣлу:

— Насилу нашелъ. Вы, Михайловъ? Комиссіонеръ отъ американокъ. Добре!

Сваливъ мѣшокъ на полъ, фигура безстрашно всунула внутрь руку и вытянула великолѣпнѣйшаго бѣлаго кота.

Генералъ отъ изумленія раскрылъ даже ротъ.

— Откуда?

— Изъ Панчева, — самодовольно рыкнула фигура. — Три тысячи, меньше ни-ни! Молоко! И питаніе тоже...

Фигура, держа одной рукой кота за шиворотъ, другой тыкала въ толстый жирный животъ:

— Настоящій кафанщикъ*) и съ темпераментомъ...

Котъ, поводя усами, вытянулся въ рукахъ фигуры во всю длину и казался пышнымъ и важнымъ.

— Да, это котъ, — оцѣнивая его глазами, согласился, съ опытомъ знатока и генералъ.

---

*) Содержатель кабака.

Михайловъ, наблюдая все это, съ трудомъ держался на ногахъ.

— Что предпринять? Развѣ сознаться въ своей подлой шуткѣ. Господи!

Михайловъ безжизненно перебиралъ посинѣвшими губами и не могъ склеить фразы.

— Здѣсь вышло недоразумѣніе, — набрался онъ духу и поперхнулся.

— Чтоо? — грозно насупилась фигура, пряча кота въ мѣшокъ.

— Я... я... простите, это шутка... никакихъ американокъ, и я не комиссіонеръ... — говорилъ Михайловъ, чувствуя смертельный страхъ, обволакивающій его сердце. — Я пошутилъ! Извините!

По лицу генерала поползли тѣни, и его глаза, такіе недавно добрые, кроткіе, забитые безпросвѣтной нуждой, засверкали неподдѣльнымъ гнѣвомъ.

— Какъ-же вы посмѣли подводить нищихъ людей! Какъ вамъ не стыдно!

— Такъ ты такъ, раккалія! — задыхаясь отъ бѣшенства, переставая владѣть собой, загрохотала фигура. — Шутки! Черта пухлаго! Плати сейчасъ же расходы по ловлѣ и доставкѣ котовъ, а то...

Михайловъ увидѣлъ искаженное гнѣвомъ страшное лицо фигуры и схватился за голову.

— И старику уплати, слышишь!

Фигура рѣшительно засучила рукава и обнажила громадныя, жилистыя кисти большихъ рукъ. На лбу у него туго надулась синяя жила.

— Ну? Еще въ бытность околодочнымъ надзирателемъ въ Сызрани съ одного маха валилъ любого крючника на пристани за безобразія.

Михайловъ схватился за сердце.

Въ этомъ жестѣ столько было ужаса и отчаянія, что генералу стало невыразимо его жаль.

Фигура со своими горящими глазами распалялась съ каждой секундой сильнѣе.

— Готовь деньги.

Михайловъ пытался крикнуть и не могъ.

— Попробуй у меня только пикнуть... А ко-

товъ забирай, мучная твоя душа... На! — Фигура оставила парализованнаго страхомъ Михайлова и, поднявъ съ полу мѣшокъ, развязала его и злобно тряхнула.

Оттуда вылетѣли четыре бѣлыхъ и два черныхъ кота. Да какихъ?

— Красота! — невольно вскрикнулъ генералъ отъ восхищенія и зависти.

— Вы тоже свою корзинку откройте, — наставительно учила фигура. — За расходы сдеремъ съ этой сволочи! — Фигура безцеремонно кивнула головой въ сторону Михайлова.

Крышка была поднята, и изъ корзины выскочили два черныхъ и два бѣлыхъ кота, далеко уступавшихъ первымъ.

— Однако, — недовольно буркнула фигура, — въ Бѣлградѣ коты того... подгуляли. Дрянь, а не коты.

— Но у меня на пароходѣ сбѣжалъ самого Петра Живковича. То былъ воистину котъ, — обидѣлся генералъ.

— Не спорю за того кота, не видѣлъ, а эти... Чепуха какая-то. Мелюзга, безъ всякихъ соковъ. Вырожденіе и рахитизмъ!

Фигура черезъ губу плюнула и снова свирѣпо уставилась на Михайлова.

Послѣдній уже пришелъ въ себя и виновато спросилъ дрожащимъ, чужимъ голосомъ:

— Сколько?

— Тысячу на двухъ.

— Извольте! — Михайловъ торопливо передалъ деньги.

Фигура удовлетворительно шмыгнула носомъ и, отсчитавъ четыре сотни, передала генералу.

— По сто динаръ за кота... вышло... — вразумительно пробасила она.

— Въ другой разъ такъ не дѣлайте, — съ упрекомъ сказалъ генералъ Михайлову и крѣпко пожалъ руку фигурѣ.

Оба котолова поплелись къ пристани.

V

— Госпожа Марта Пицбургъ!

— Я, — поднялась полная молодая дама съ черными съ поволокой глазами на матовомъ нѣжномъ лицѣ.

Она была одѣта въ дорогой бархатный сакъ, и на головѣ ея колыхалась огромная, вышедшая изъ моды, черная шелковая шляпа съ большими полями, приподнятыми спереди.

Изъ - подъ шляпы виднѣлся точеный, красивой формы, подбородокъ и влажныя подкрашенныя губы.

Шефъ Земунской полиціи, сидя за столомъ, заваленнымъ дѣлами, пристально посмотрѣлъ на Марту и недовольно спросилъ:

— Вы владѣлица дома № 5 на Русской улицѣ?

— Да!

— Какъ же вамъ не стыдно морозить бѣдныхъ русскихъ людей?

Марта удивленно приподняла брови и, блеснувъ мелкими острыми зубами, весело отрѣзала:

— И не думала!

— Да у меня вотъ жалоба двухъ русскихъ полковниковъ Мирова и Ершова.

— Интересно послушать!

Шефъ нахмурился и, взявъ со стола листъ бумаги, началъ внятно читать:

— Означенная Марта Пицбургъ не вставляетъ вотъ уже пятый день стеколъ въ нашей квартирѣ, несмотря на неоднократныя наши просьбы... мы оба инвалиды... больные люди... въ Великую войну за славянскія идеи... замерзаемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова въ нашей квартирѣ.

— Что вы по этому поводу скажете, госпожа Пицбургъ?

Шефъ откинулся на спинку большого кресла и строго посмотрѣлъ на Марту.

Та нисколько не растерялась и, вынувъ изъ плетеной кожаной, съ серебряными пряжками, су-

мочки листъ бумаги, подошла къ шефу и громко сказала:

— Встрѣчный искъ!

Шефъ, не глядя на Марту, принялъ прошеніе и монотонно съ сокращеніями началъ оглашать его:

— Означенные русскіе полковники Мировъ и Ершовъ пять дней назадъ принесли къ себѣ на квартиру четыре мѣшка черныхъ и бѣлыхъ котовъ, въ количествѣ около тридцати штукъ... Эти коты, всѣ, какъ на подборъ... выскочивъ изъ мѣшковъ, бросились къ рамамъ оконъ... разбили всѣ стекла... не только въ комнатѣ Мирова и Ершова, но и у меня въ галлереѣ и передней... а одинъ бѣлый, величиной съ овцу, превратилъ въ осколки самое дорогое мое зеркало въ золоченой рамѣ... И, хотя я уже вставила стекла въ комнатѣ квартирантовъ, но... убытки въ... тысячи динаръ... прошу взыскать...

— Значитъ теперь русы не замерзаютъ? — успокоился шефъ, прекращая чтеніе.

— Нѣтъ!

— Вотъ и прекрасно, госпожа Пицбургъ, это дѣлаетъ честь вашему доброму сердцу. Хорошій вы человѣкъ.

Онъ ласково посмотрѣлъ на Марту и задумчиво спросилъ:

— Для чего они такую массу котовъ приволокли? Для пищи что-ли?

— Не думаю, — также задумчиво отвѣтила Марта, — они не голодали, а вотъ когда коты разбѣжались, оба хотѣли застрѣлиться и все кричали: „девяносто тысячъ динаръ пропало". Еле я ихъ утихомирила и успокоила.

— Странно!

— Загадочно, — согласилась и Марта.

— Относительно убытковъ вы, госпожа Пицбургъ, бросьте... Разъ хотѣли стрѣляться изъ-за котовъ, значитъ дѣло посерьезнѣе вашихъ стеколъ... да что съ нихъ горемыкъ взять?

Шефъ поднялся и просительно смотрѣлъ на Марту.

Та тоже поднялась и искренно сказала:

— Ничего не имѣю противъ. Прекратите дѣло.

И таинственное дѣло о котахъ ушло въ архивъ неразгаданнымъ.

IV

Въ воскресныхъ номерахъ всѣхъ сербскихъ и русскихъ газетъ появилось вскорѣ послѣ этого оригинальное объявленіе.

„Вниманію котолововъ.

Желая подшутить надъ однимъ русскимъ бѣженцемъ, особенно любопытнымъ и довѣрчивымъ, я на его обычный вопросъ — „что новаго“ — самымъ серьезнымъ образомъ по секрету сообщилъ: въ городѣ Земунѣ появились двѣ американки-милліонерши и скупаютъ по высокой цѣнѣ всѣхъ котовъ черныхъ и бѣлыхъ, платя иногда за хорошіе экземпляры до трехъ тысячъ динаръ... И знаешь, Богъ помогъ мнѣ получить у нихъ должность комиссіонера. Доставляй котовъ и не болтай никому!

Когда я этимъ бахвалился, то, конечно, не могъ представить себѣ тѣхъ потрясающихъ результатовъ, которые очень скоро сказались...

Первыми явились ко мнѣ съ корзинами и мѣшками русскіе бѣженцы, успѣвшіе въ кратчайшій срокъ открыть въ нѣкоторыхъ городахъ даже акціонерныя общества „Котолововъ“.

Вторыми подоспѣли сербскіе капитаны, механики, боцмана и матросы со всѣхъ пароходовъ и баржъ, потомъ кухарки, горничныя и пожарные; за ними барыни и цыгане-скрипачи, дальше барышни и парикмахеры... одинъ борецъ... два монаха и пятнадцать чиновниковъ трошарины*) съ

---

*) Сборщики податей на базарахъ.

обоихъ береговъ Дуная и все съ котами черными и бѣлыми, большими и малыми, усатыми и безусыми... Спасаясь отъ всѣхъ, ибо одинъ русскій околодочный надзиратель г. Сызрани, вымогая за котовъ деньги, чуть даже не убилъ меня, я бросилъ на произволъ судьбы все свое имущество и скрылся въ другомъ городѣ.

Я такъ много перенесъ и матеріально и духовно, что прошу всѣхъ котоловов великодушно простить меня за глупую шутку.

Съ почтеніемъ Михайловъ".

ЗАБЫТАЯ ТАБАКЕРКА

Посвящаю глубокочтимой и незабвенной Загѣ Царевской — доктору философіи.

I

Трубачи конвоя Его Величества играли маршъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.

За большимъ длиннымъ столомъ помѣщались всѣ рядомъ, — и музыканты, и господа офицеры, и ихъ случайные гости: два молодыхъ красивыхъ священника отецъ Викторъ и отецъ Василій, оба съ высшимъ академическимъ образованіемъ, статскій совѣтникъ Адамовъ, бывшій Членъ Окружного Суда и бухгалтеръ Пипичъ.

На почетномъ мѣстѣ единственная дама, жена сотника графа Палицина, Елена Юрьевна, съ пріятнымъ открытымъ лицомъ и умными, наблюдательными глазами.

Въ безпорядкѣ стояли бутылки съ виномъ. Чайные стаканы, кружки, чашки замѣняли бокалы. Бѣлѣла тарелка съ солеными огурцами посрединѣ стола и двѣ по бокамъ съ недоѣденной, застывшей жареной свининой. Огромные куски хлѣба, аккуратно нарѣзанные, лежали нетронутыми передъ гостями.

И гостей и хозяевъ захватила волнующая, прелестная музыка марша знаменитаго полка русскихъ императоровъ былой могучей и великой Россiи.

Изъ свѣтло-голубыхъ, пылающихъ глазъ отца Виктора брызнули слезы.

Статскiй совѣтникъ Адамовъ, бывшiй лицеистъ, и въ дни юности корнетъ лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго полка, тяжело опустилъ голову на руки и застылъ съ гримасой страданiя на лицѣ.

— Все въ прошломъ! — тоскливо думалъ онъ. — И эти молодцы конвойцы... и этотъ хоръ трубачей... и эти старые историческiе полки... и та, безвозвратно канувшая въ вѣчность, красивая, полная блеска, роскоши и огня, жизнь... Да, все въ прошломъ!

Бухгалтеръ Пипичъ, наоборотъ, не могъ сдержать своего восторга и подъ побѣдоносные звуки марша взъерошивалъ на головѣ жидкiе волосы, гордо пятилъ грудь впередъ, поводилъ величественно, какъ ему казалось, глазами и звонко для чего-то причмокивалъ губами, словно тянулъ черезъ резиновую кишку вино изъ огромной подвальной бочки.

— Да сиди-же, наконецъ, смирно, — не выдержалъ отецъ Василiй и безцермонно дернулъ бухгалтера за рукавъ.

Онъ не могъ черезъ безтолковое причмокиванье Пипича спокойно наслаждаться чарующей волною звуковъ.

— Бога ми лепо, — оправдывалъ себя по сербски бухгалтеръ. — Одлично!

Между тѣмъ послѣднiй и заключительный аккордъ заглушилъ слабый голосъ Пипича и постепенно замирая, растворился въ комнатѣ.

Гости, хозяева и музыканты потянулись къ чашкамъ, стаканамъ и кружкамъ.

— Русскiе люди! — поднялся растроганный отецъ Викторъ, — къ вамъ мое будетъ краткое слово. Разрѣшите? — Онъ просительно посмотрѣлъ

на Елену Юрьевну, на офицеровъ, на Адамова и продолжалъ дальше:

— Если наше настоящее очень горько, если ничего не видно свѣтлаго и радостнаго въ будущемъ, живите прошлымъ и въ немъ черпайте силы и надежды для борьбы съ суровой дѣйствительностью... Труха интернаціональныхъ проходимцевъ сейчасъ, когда мы, изгнанные правды ради, мучимся на чужбинѣ, живетъ привольно и весело на нашей русской землѣ, въ нашихъ палатахъ и домахъ, возможно спитъ на нашихъ кроватяхъ и кушаетъ и пьетъ изъ тѣхъ самыхъ сосудовъ, которыми пользовались мы... О, съ этимъ нельзя примириться!

— И все-же нужно примириться... Посмотрите на меня въ этой черной рясѣ... Мечталъ-ли я, бывшій конногвардеецъ, о великой, но и смиренно-скромной дѣятельности священника? Никогда! Нужно было пройти крестный путь страданій, чтобы отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ взглядовъ на жизнь и пойти по новой дорогѣ и для новой жизни...

Отецъ Викторъ на одинъ моментъ остановился. Казалось, онъ былъ въ нерѣшительности: говорить или нѣтъ дальше.

— Просимъ продолжать, — загудѣли со всѣхъ сторонъ.

— Говорите, — задушевно попросила Елена Юрьевна и покраснѣла, очень смущенная.

Отецъ Викторъ любовно оглядѣлъ всѣхъ конвойцевъ и тихо-задумчиво продолжалъ:

— Пятнадцать лѣтъ разные авантюристы, воры и разбойники, сбѣжавшіеся со всѣхъ странъ міра въ Бѣлокаменную Москву, пьютъ русскую кровь, полной мѣрой пьютъ... Идетъ и сейчасъ еще революція — неутихшее броженіе... до какого только часа? Кто знаетъ? Никто!

Во Франціи революція тянулась нѣсколько десятковъ лѣтъ... Почему-же въ Россіи не можетъ быть то же самое?... Но тогда мы всѣ не увидимъ своего отечества и умремъ на чужбинѣ и зако-

паютъ насъ въ чужую землю... Какъ страшно и холодно въ душѣ отъ этихъ мыслей! И все-же, если такъ угодно Богу, то и съ этимъ мы должны примириться. . . . .

— Нужно учиться намъ у евреевъ и тогда Россія будетъ наша русская, а не совѣтская... Ни одинъ народъ въ исторіи человѣчества не прошелъ такого тернистаго, невѣроятно кровавого пути, какъ еврейскій... А результаты воистину непостижимы для человѣческаго разума: евреи сейчасъ фактически управляютъ всѣмъ міромъ. И какъ-же не удивляться геніальности и сверхчеловѣческимъ способностямъ вождей этого народа, какъ и самому народу, оставшемуся до настоящаго времени единымъ, недѣлимымъ, несмотря на проживаніе его во всѣхъ странахъ міра... И что имъ сейчасъ Палестина, когда весь земной шаръ къ ихъ услугамъ...

— Въ чемъ обаяніе льва и почему онъ названъ царемъ звѣрей?

Глаза отца Виктора при этихъ словахъ горѣли, какъ свѣчи, и самъ онъ весь стройный и гибкій, въ своей черной рясѣ, напоминалъ ветхозавѣтнаго пророка.

— Въ силѣ! — отвѣтилъ на вопросъ статскій совѣтникъ Адамовъ.

— Конечно, не въ гривѣ и хвостѣ, — согласился отецъ Викторъ, — а въ его колоссальной силѣ и только потому онъ — царь!

— Такъ и обаяніе еврейскаго народа въ его, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тоже колоссальной, скрытой силѣ, добытой тысячелѣтіями упорной борьбы за свое независимое я... Тысячелѣтіями! Какъ странно звучитъ это слово — „тысячелѣтіями“...

Отецъ Викторъ откашлялся и вдохновенно продолжалъ:

— А мы ропщемъ на Бога и падаемъ духомъ, что Россія не возродилась до сего времени отъ начала революціи въ тысяча девятьсотъ семнадцатомъ году... Всего прошло немного больше десяти

лѣтъ... Стыдно малодушничать!... Учитесь у евреевъ... И потомъ, развѣ великая могучая Россія стерта съ карты великихъ народовъ міра? Ха-ха-ха-ха!

Отецъ Викторъ горько разсмѣялся, и этотъ сухой дробный смѣхъ почему-то морозомъ прошелъ по всѣмъ слушателямъ и покоробилъ ихъ.

У статскаго совѣтника Адамова зашевелились на головѣ волосы, и страшный ужасъ сковалъ дыханіе.

— Ха-ха-ха, — иронически и съ осужденіемъ смѣялся отецъ Викторъ, не имѣя силъ сдержать этого своего истерическаго смѣха.

— Никогда при великихъ императорахъ Россія не была въ такомъ грозномъ, черномъ, сатанинскомъ величіи, какъ сейчасъ, когда у кормила теченія ея жизни стоятъ всевозможнаго рода преступные элементы и русскіе и не русскіе...

Звонко и четко раздавался въ тишинѣ голосъ отца Виктора и словно клещами больно схватывалъ сердца слушателей. Елена Юрьевна, нервно вздрагивая плечами, незамѣтно плакала. Изъ прекрасныхъ ея глазъ, словно бисеръ, скатывались крупныя слезы и падали на бѣлую грудь, скрашенную прозрачными кружевами.

— Этого мало, въ угоду измѣнникамъ и предателямъ и шарлатанамъ, царствующимъ сейчасъ на тронѣ бывшихъ царей и повелителей рыцарской Россіи, сотни тысячъ такихъ людей, какъ вы, честныхъ, добросовѣстныхъ и вѣрныхъ своему долгу союзникамъ, влачатъ жалкую и нищенскую жизнь на чужбинѣ, всѣми забытые и подчасъ презираемые... За что? Спросите свою душу... Много тамъ скопилось всякихъ обидъ, горечи и слезъ... Знаю я, очень и очень много... И ваша душа, оплеванная и поруганная скажетъ: за Истину и за самопожертвованіе въ пользу Франціи и Англіи до конца, до послѣдней капли благородной русской крови... А эти-то двѣ страны въ числѣ первыхъ признали большевицкихъ диктаторовъ, ввергнув-

шихъ Россію въ пучину, и не за страхъ, а за совѣсть служатъ имъ, угодливо стоя на заднихъ лапкахъ...

— Сволочь, — буркнулъ статскій совѣтникъ Адамовъ.

— Богамии сволочь, — подтвердилъ бухгалтеръ Пипичъ и сочно чмокнулъ губами.

— Извѣстный русскій писатель Михаилъ Петровичъ Арцыбашевъ, недавно умершій, въ своей статьѣ „Больной вопросъ“ коротко и ясно сказалъ: „въ русской революціи и во всѣхъ діавольскихъ послѣдствіяхъ этой роковой для насъ революціи виноваты жиды“.

Я тоже съ своей стороны кратко и ясно скажу, что для того, чтобы достигнуть власти надъ многомилліоннымъ народомъ русскимъ, какую имѣютъ сейчасъ въ Россіи евреи, геніально превратившіеся изъ безправныхъ, загнанныхъ и презрѣнныхъ въ вершителей судебъ державы Россійской, способенъ только особый народъ, съ почти сверхчеловѣческимъ разумомъ...

И потому Арцыбашевъ своими литературными выступленіями противъ евреевъ, пусть писанными кровью изъ глубины смертельно раненой и наболѣвшей честной русской души, не запугалъ ни евреевъ, ни ихъ помощниковъ другихъ иностранцевъ, фактическихъ и неограниченныхъ сейчасъ владыкъ въ миломъ отечествѣ нашемъ.

Не запугалъ, а только разсмѣшилъ и скоро послѣ этого при нѣсколько загадочныхъ обстоятельствахъ ушелъ въ лоно Авраамово...

Послѣднія слова отецъ Викторъ сказалъ почти шопотомъ, осторожно оглядываясь.

Царила напряженная тишина.

— Но вѣдь побѣдителей не судятъ!.. ха-ха-ха... ха-ха-ха...

Сухой дробный смѣхъ снова потрясъ гибкое стройное тѣло отца Виктора, и снова ужасъ заползъ въ сердца слушателей...

— Боевой кличъ русскаго обанкротившагося дворянства: „бей жидовъ — спасай Россію" — отошелъ въ область преданій. Да и достаточно били до сего времени въ Россіи евреевъ. Видѣли-ли вы еврейскіе погромы? Я, напримѣръ, видѣлъ еще студентомъ...

Отецъ Викторъ сокрушенно вздохнулъ и вновь началъ:

— О, я многое знаю... Еще больше я знаю, какъ бывшій офицеръ Добровольческой арміи; знаю бѣлыя зимнія ночи разстрѣловъ евреевъ въ рощахъ за большимъ и грязнымъ городомъ, когда подъ ногами весело поскрипывалъ снѣгъ и когда хотѣлось такъ жить и жить... Да, къ моему несчастію, я многое знаю, но я лучше промолчу, ибо нельзя о всемъ говорить изъ того, что знаешь... Къ чему-же привели эти погромы евреевъ?

— Къ утерѣ для насъ отечества, — громко вставилъ статскій совѣтникъ Адамовъ.

— Бога ми, отечества, — какъ эхо повторилъ Пипичъ.

— Да, — согласился отецъ Викторъ, — если и не навсегда, то во всякомъ случаѣ на довольно продолжительное время... И, какъ сами изволите видѣть, русскій, такъ называемый „богоносецъ", мужикъ съ серпомъ въ рукахъ и его плоть и кровь — воинъ „красноармеецъ" съ пятиконечной звѣздой на мѣдномъ лбу, и не по разуму самонадѣянный русскій рабочій съ молотомъ въ рукахъ послушно и терпѣливо тащатъ экипажъ съ иностранцами, тринадцать лѣтъ тащатъ, а на насъ всѣхъ, въ изгнаніи живущихъ, и смотрѣть не желаютъ... Покойный Михаилъ Петровичъ Арцыбашевъ въ статьѣ „Да не свершится" по этому поводу говоритъ такъ: „Не прощаю я русскому народу, что онъ терпитъ власть негодяевъ и убійцъ и никогда не прощу ему, если онъ примирится съ этой властью. Ибо для меня понятно, что это примиреніе, помимо позора, ничего не дастъ русскому народу... Если-же онъ не уничтожитъ эту власть,

если окажется безсильнымъ, рабскимъ народомъ, то да погибнетъ растлѣнный народъ и да будетъ это мѣсто пусто!!!“

— Очень жестокія слова эти, — печально подчеркнулъ отецъ Викторъ. — Для меня, священника, они чужды и непонятны... ибо предъ моимъ мысленнымъ взоромъ всегда стоитъ свѣтлый, весь въ теплыхъ лучахъ, образъ Іисуса Христа. Знаете ли вы этотъ образъ? На блѣдномъ, безъ кровинки, высокомъ челѣ блистаетъ каплями крови терновый вѣнецъ. Глаза широко открыты, бездонны... Изъ нихъ льются снопы Божественной любви и милосердія... и въ то же время грусти, тоски и ужаса передъ озвѣрѣвшимъ и погрязшимъ въ порокахъ и преступленіяхъ грѣшнымъ человѣчествомъ... Ведутъ съ Нимъ на смерть и двухъ злодѣевъ... И бьютъ палками по терновому вѣнцу и издѣваются надъ Нимъ... И когда пришли на мѣсто называемое „лобное“, тамъ распяли Его и злодѣевъ: одного по правую, а другого по лѣвую сторону...

Іисусъ же говорилъ: „Отче! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ“. Точно такъ должны дѣлать и мы, именно любить и прощать всѣхъ... и благодарить Бога за настоящее... Вѣдь не совсѣмъ плохо намъ здѣсь живется... Во всякомъ случаѣ терпимо... Мы не голодны, обуты, одѣты, вполнѣ свободны, нашей жизни не грозитъ никакая опасность... мы живемъ въ культурной мѣстности Славоніи и, наконецъ, пользуемся вниманіемъ и заботами барона Гутмана... Онъ далъ намъ трудъ— средства къ жизни и обставилъ эту жизнь такъ, что мы всегда должны въ своемъ сердцѣ носить благодарность... Самое имя колоніи, гдѣ вы работаете, „Бѣлище“, красивое, славянское, почти русское, и пусть воистину обѣлятся здѣсь наши души, и когда доживемъ до возврата въ Россію, то пусть мы понесемъ съ собой не месть и злобу и ненависть, а любовь — совершенную и безмѣрную!

Отецъ Викторъ окончилъ свою рѣчь и, скромно опустивъ глаза, сѣлъ на свое мѣсто.

Всѣ застыли въ молчаніи и какъ-то душевно размякли...

II

Больше другихъ размякъ статскій совѣтникъ Адамовъ, работающій на огородахъ и цвѣтникахъ барона Гутмана. Онъ съ мельчайшими подробностями припомнилъ тотъ случай, когда попалъ въ Бѣлище. Около полугода былъ онъ рѣшительно безъ всякой работы и службы... Былъ въ отчаяніи и въ нищетѣ... А когда прибылъ въ Бѣлище и обратился къ генеральному директору Генриху Герцу съ просьбой труда, тотъ просто сказалъ:

— Чиновникомъ я васъ принять не могу, ибо всѣ штаты переполнены, но рабочимъ я васъ устрою въ огородахъ, тамъ-же отведу вамъ и квартиру со всѣмъ необходимымъ...

— Не забывайте, что мы увольняемъ каждую субботу, въ виду кризиса, на нашихъ фабрикахъ и заводахъ сотни рабочихъ, и для васъ я дѣлаю исключеніе, какъ для русскаго человѣка...

— Работа, я васъ предупреждаю, тяжелая, грязная, а зимой и опасная, такъ какъ приходится рубить деревья по всему Бѣлищу усохшія и полусгнившія, которыя при паденіи легко могутъ изувѣчить. Я уже не говорю, что зимой огородные рабочіе чистятъ и метутъ улицы въ колоніи... Самый непрезентабельный трудъ!

Статскій совѣтникъ Адамовъ, сидя сейчасъ за столомъ въ кругу родныхъ русскихъ людей, вспомнилъ, какъ ему было въ то время не по себѣ отъ этихъ словъ директора Герца и какъ все-же съ чувствомъ благодарности сказалъ:

— Очень вамъ признателенъ за любезно предложенный трудовой кусокъ хлѣба и посильно постараюсь оправдать вашъ добрый порывъ по от-

ношенію къ моей личности... Конечно простой крестьянинъ или рабочій болѣе меня былъ-бы полезенъ, но...

Директоръ Герцъ не далъ докончить фразы статскому совѣтнику Адамову и крѣпко и сочувственно пожалъ ему руку.

Кругомъ Адамова между тѣмъ постепенно послѣ рѣчи отца Виктора разгоралось веселье и радость. Отецъ Василій, уроженецъ Прикарпатской Руси, пѣлъ съ казаками полныя нѣги и тоски украинскія пѣсни. Бухгалтеръ Пипичъ отъ чрезмѣрно выпитаго вина впалъ въ экстазъ.

— Бога-ми хорошо! Вотъ это такъ мелодіи...

Онъ силился дирижировать, но непослушныя руки разлетались въ стороны и потомъ стремглавъ опускались внизъ. Глаза сдѣлались оловянными и приняли безсмысленный видъ.

— Бога ми...

Статскій совѣтникъ Адамовъ мрачно пилъ вино стаканъ за стаканомъ. Въ душѣ его было мучительно и тяжело. Подъ вліяніемъ гнетущихъ воспоминаній онъ второй разъ, словно наяву, переживалъ здѣсь за столомъ всѣ незаслуженныя огорченія и униженія, которыя посыпались на него съ первыхъ-же дней его работы на огородахъ. Завѣдывающій огородами изъ самоучекъ хорватъ Вицичъ, хотя и обладалъ добрымъ сердцемъ, но недостаточно былъ интеллигентнымъ и культурнымъ человѣкомъ, чтобы понять весь трагизмъ положенія Адамова. Все свое вниманіе онъ обращалъ на то, чтобы рѣшительно во всемъ Адамовъ былъ равенъ остальнымъ рабочимъ.

— Извините, а я васъ буду звать Василій... И рабочіе такъ-же будутъ звать Василій... У меня тутъ господъ не имѣется... Всѣ рабочіе!

Адамовъ, привыкшій къ вѣжливому и учтивому обращенію и къ слову „господинъ“ — отъ пеленокъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на огородника, но прикусилъ губы и ничего не сказалъ...

Однажды Вицичъ приказалъ Адамову носить

мѣшки съ картофелемъ въ хлѣвъ для свиней барона Гутмана.. Онъ, нагнувъ голову, исполнилъ приказаніе.

Другой разъ, на станцію „Бѣлище“, на виду проѣзжающей многочисленной публики, Адамову пришлось носить по распоряженію Вицича гравій и посыпать дорожку передъ цвѣтникомъ.

Случайно одинъ мѣшокъ гравія онъ свалилъ у самыхъ ногъ проходившей мимо баронессы, которая съ удивленіемъ посмотрѣла на интеллигентное лицо рабочаго съ бросающейся въ глаза родовой культурой.

Но самымъ высшимъ наслажденіемъ для огородника Вицича было показать постороннимъ лицамъ свою власть надъ русскимъ судьей и офицеромъ, по волѣ злой судьбы, ставшимъ рабочимъ.

— Василій, — кричалъ онъ громко, чтобы всѣ слышали, — помогите кучерамъ нагружать навозомъ телѣги.

— Василій, отнесите на вокзалъ господину мѣшокъ съ капустой.

Господинъ, какой нибудь кабатчикъ или мелкій желѣзнодорожный служащій, отлично зная отъ Вицича кто такой Адамовъ, старался придать себѣ видъ господина и гордо шелъ, переваливаясь, съ руками въ карманахъ.

Иногда кто нибудь изъ подобныхъ господъ предлагалъ Адамову динаръ на папиросы, но онъ съ любезной улыбкой отказывался къ неподдѣльному ихъ недоумѣнію.

Подобныхъ случаевъ были тысячи и воспоминанія о нихъ коробили Адамова и дѣлали глубоко несчастнымъ.

Онъ давно на себѣ самомъ изучилъ и въ тонкости понялъ, что не трудъ тяжелъ и оскорбителенъ, а эти проклятыя условія труда, противныя и его природѣ и воспитанію, полученному съ дѣтства.

Всякій разъ, когда онъ несъ какую нибудь тяжелую и грязную работу на улицѣ, ему казалось,

что всѣ на него смотрятъ и показываютъ пальцами.

Ощущеніе точно такое, какъ у вора, который захваченъ на мѣстѣ преступленія.

Но особенно огорчало его враждебное отношеніе рабочихъ, съ которыми ему приходилось работать. Они всѣ видѣли въ немъ ненавистнаго господина, случайно попавшаго въ ихъ среду, и всячески старались сдѣлать ему какой нибудь подвохъ или гадость.

Отдать справедливость огороднику Вицичу, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ былъ на сторонѣ Адамова.

Воспоминанія проносились чередой и подъ вліяніемъ вина дѣлались все тяжелѣе и тяжелѣе.

Самое пѣніе отца Василія съ казаками жалостныхъ украинскихъ пѣсенъ какъ нельзя болѣе гармонировало съ внутреннимъ настроеніемъ Адамова.

Хоръ тягуче пѣлъ:

— За що Боже мілосердій нам послав сіи муки?

Мягкій бархатный теноръ отца Василія слезами дрожалъ въ душѣ Адамова и будилъ въ ней давно застывшія воспоминанія о Россіи.... Тамъ далеко-далеко жила въ трудахъ, бѣдности, а можетъ быть и въ преслѣдованіи, жена и трое дѣтей...

Какъ онъ Адамовъ несчастенъ! Вотъ предъ глазами два священника, живутъ они въ нормальныхъ условіяхъ, съ женами и ребятишками, имѣютъ святое дѣло и высокія цѣли жизни... Взять этого бухгалтера Пипича... Какъ сыръ въ маслѣ катается, хорошо зарабатываетъ, ухаживаетъ за чужими женами и не безъ успѣха... пьетъ и веселится каждый день... Интересная пара также графъ Палицинъ и его супруга Елена Юрьевна... Видно, что онъ подъ башмакомъ, но это такъ и нужно, ибо широкій просторъ былой зажиточной жизни отлетѣлъ въ область преданій, а суровая дѣйствительность требуетъ осторожности, и осмо-

трительности, и расчета на каждомъ шагу. Она не дастъ ему разойтись, не позволяетъ много пить. Козырь-баба! Выпью ея здоровье!

— Ваше здоровье, — чокнулся Адамовъ съ Еленой Юрьевной и залпомъ осушилъ стаканъ вина.

— Нужно встряхнуться и перестать ныть, — продолжалъ дальше думать онъ. — Прежде всего прервать это жалостное пѣніе и попросить трубачей сыграть какой нибудь канканъ или кекуокъ... Когда-то въ Лицеѣ и въ полку былъ первымъ танцоромъ... Вотъ только сыграть безумно веселое, дикое, пусть нелѣпое...

— Трубачи, — обратился онъ къ музыкантамъ, — сыграйте какой-нибудь танецъ... Только не пошлый изжитый вальсъ, а что нибудь съ огнемъ: цыганское, арапское... восточное... Чтобы всѣ члены ходуномъ ходили, и ноги, и руки, и грудь, и животъ... Танецъ Саломеи! Понимаете?

И хоръ грянулъ дикую азіатскую плясовую мелодію. Статскій совѣтникъ Адамовъ съ пыломъ юнаго корнета выскочилъ на середину барака и началъ танцовать, но это была уже пародія на тѣ его танцы, которые вызывали когда-то истинный восторгъ и удивленіе.

— Были и мы рысаками, — грустно сказалъ онъ, садясь снова за столъ и тяжело дыша. — Время беретъ свое: начинаю, чортъ возьми, старѣть... А было времячко... Бывало, на манежномъ галопѣ, не касаясь сѣдла, вскакивалъ на коня... Маріей Годфруа всѣ звали*)...

Адамовъ съ ожесточеніемъ пилъ и самъ съ собою разговаривалъ. Крѣпкое вино дѣлало свое дѣло: языкъ его заплетывался, въ головѣ шумѣло и, что особенно поражало его, онъ видѣлъ вмѣсто одного два лица.

Особенно смѣшны были два Пипича.

Наблюдая надъ ними и ихъ пьяными грима-

---

*) Марія Годфруа знаменитая цирковая наѣздница.

сами, Адамовъ ехидно подсмѣивался и съ трудомъ говорилъ:

— Ахъ ты, шутъ, какъ въ циркѣ... Браао... брао... Ай да Пипичъ!

Затѣмъ беря за руку отца Василія, вѣрнѣе двухъ отцовъ Василіевъ, какимъ-то вымученнымъ голосомъ спрашивалъ:

— Скажи, другъ, для чего я, собственно говоря, живу? Какая разумная цѣль моего прозябанія? Какая?

— Пора расходиться, — отвѣтилъ отецъ Василій, — время позднее... Идемте спать къ Адамову.

— Идемъ, — поднялись отецъ Викторъ и бухгалтеръ Пипичъ.

— Прошу... Милости просимъ, — съ трудомъ держась на ногахъ, говорилъ Адамовъ.

Какъ сквозь сонъ прошло передъ нимъ прощаніе съ Палициными и другими офицерами и, наконецъ, въ сознаніи его наступили темнота и мракъ... полное забытье...

III

Жестокій холодъ зимняго ранняго утра пробудилъ отъ сна статскаго совѣтника Адамова. Дверь его комнаты была открыта настежь. Жалобно у порога завывалъ вѣтеръ и порошилъ снѣгомъ...

Съ трудомъ поднявъ больную и тяжелую голову, Адамовъ осмотрѣлся. Гостей не было. Самъ онъ лежалъ полураздѣтый на неприбранной кровати, прямо на покрывалѣ въ грязныхъ ботинкахъ. Кругомъ былъ безпорядокъ. По полу среди замерзшей грязи отъ слѣдовъ многихъ ногъ валялись окурки папиросъ, сожженныя спички и одна коробка изъподъ нихъ.

— Для чего я живу въ изгнаніи вотъ уже

двѣнадцать долгихъ лѣтъ? Какая и кому отъ этого польза?

Адамовъ сталъ на ноги и зашатался. Съ трудомъ добрелъ онъ до двери и затворилъ ее. Потомъ повернулъ выключатель и зажегъ электричество.

Яркій свѣтъ лампы въ зеленомъ абажурѣ освѣтилъ во всей своей неприглядности все убогое и жалкое помѣщеніе Адамова и отъ того на душѣ у него сдѣлалось такъ больно, что онъ скрипнулъ зубами и застоналъ.

Въ этомъ стонѣ слышалось безысходное горе человѣка, несчастнаго и жалкаго въ своемъ одиночествѣ...

Брезгливо обведя еще разъ взоромъ свою комнату, Адамовъ рѣшительно нагнулся къ небольшому чемодану и вынулъ оттуда офицерскаго образца наганъ, синѣющій полированной сталью и полный патроновъ.

— Ну, боевой товарищъ, выручай! Сейчасъ послѣдній разъ понадобится твоя вѣрная услуга...

Держа одной рукой револьверъ, а другой тяжело опираясь на столъ, Адамовъ машинально замѣтилъ предъ собой маленькую блестящую табакерку... Лежала она, очевидно, забытая кѣмъ то изъ гостей...

Присутствіе этой табакерки повѣяло теплотой на Адамова, и онъ осторожно дотронулся до нея рукой.

— Навѣрное отца Виктора или Пипича... Отецъ Василій некурящій... Милые и хорошіе пріѣхали издалека навѣстить меня, а я напился до потери сознанія.. Не осудятъ, а все-же не хорошо...

Адамовъ отложилъ въ сторону револьверъ и раскрылъ табакерку.

— Папиросы „Вардаръ“ съ золотыми буквами... Отца Виктора! Пипичъ куритъ „Саву“, самыя дешевыя...

Онъ положилъ бережно и нѣжно табакерку на мѣсто и только сейчасъ замѣтилъ лоскутокъ

бѣлой бумаги, на которой лихорадочнымъ почеркомъ было написано: „Дорогой нашъ Василій Ивановичъ! Мы всѣ просимъ васъ прибыть обязательно въ кругъ нашихъ семей на праздники Рождества Христова... Не падайте духомъ! Мы узнали, что вамъ плохо живется, и хотимъ вамъ помочь... найти подходящій трудъ. Начальникъ уѣзда Раповичъ, завѣдывающій лѣсами совѣтникъ Ковачевичъ и членъ Королевскаго парламента докторъ права Томичъ, вашъ коллега, обѣщали вамъ помочь..."

Адамовъ не дочиталъ письма и весь потрясенный опустился на стулъ.

Холодный ужасъ заползъ въ его душу...

— Какъ близокъ былъ позорный и безславный конецъ... Господи, прости мое малодушіе!

Адамовъ любовно взялъ маленькую забытую табакерку и приложилъ къ своему сердцу. Билось оно спокойно и ровно, и постепенно къ Адамову возвращалось жизнерадостное настроеніе, а главное надежда на лучшее и свѣтлое будущее...

Бѣлище. Славонія.
23 ноября 1931 г.

НЕМНОГО ФИЛОСОФІИ

(горькая быль)

Въ древности одинъ грозный царь спросилъ своего любимаго мудреца:

— Что будетъ завтра?

— День, а съ нимъ солнце и радость для Тебя, мой повелитель, — увѣренно отвѣтилъ тотъ.

— А для тебя?

— И для меня день, ибо я, пресвѣтлый господинъ, твой вѣрный рабъ, — кланяясь до земли, такъ же увѣренно сказалъ мудрецъ.

Но съ восходомъ солнца слѣдующаго дня разгнѣванный царь приказалъ отрубить этому мудрецу голову и водрузить ее на площади на колъ для устрашенія другихъ мудрецовъ, ибо совершенно правильно разсуждалъ: истинная мудрость не въ лести, а въ опредѣленіи неизбѣжныхъ событій человѣческой жизни въ теченіе того или другого дня...

Правъ, поэтому, бывшій испанскій король Альфонсъ XIII, когда, оставляя свой тронъ и уѣзжая въ Англію, сказалъ:

— Много я имѣлъ министровъ, много генераловъ и совѣтниковъ, и даже двухъ - трехъ диктаторовъ, но, къ несчастью моему, ни одного мудреца!

КТО НАИБОЛЬШІЙ ДУРАКЪ?

(исторія русской революціи)

I

Въ то далекое и буржуазное время на Святой Руси православной люди были несознательные: вѣрили и въ Бога и въ чорта.

И на ряду съ чертями и вѣдьмами одинаково, поэтому, почитали и ангеловъ Божіихъ и святыхъ и жизнь свою строили по примѣру и тѣхъ и другихъ.

Во всякомъ случаѣ, все, что намалевано было въ храмахъ Божіихъ, считали непреложнымъ, святымъ и истиннымъ.

Несетъ это Оксана Гнылюкъ свою дочку въ церковь и, видя у входа на стѣнѣ нарисованнаго страшнаго чорта съ хвостомъ въ три аршина, какъ онъ гонитъ въ пекло архіереевъ, поповъ, монаховъ и разныхъ титулованныхъ и не титулованныхъ богачей, говоритъ:

— Цѣлуй боженьку въ хвостикъ!

Ребенокъ цѣлуетъ, а Оксана радостно крестится и идетъ дальше къ церковному старостѣ Недопеченному покупать свѣчку...

Время было звѣриное, темное, злое и полно

неправды и ужаса, ни взять-ни прибавить: настоящее время, точь въ точь такое-же проклятое и темное.

II

А государство было, какъ и всякое государство.

На верху былъ царь, а у царя министры, чтобы народомъ править, и генералы съ солдатами чтобы воевать и царства добывать, а въ странѣ тишину и миръ держать.

Церквей было множество и духовенства и монашества видимо-невидимо, и все это подъ звонъ колоколовъ, и день и ночь, молебствія пѣлись: о о здравіи и спасеніи, о побѣдѣ и одолѣніи, объ избавленіи отъ труса, огня и мора и потопа... Хотя давно и безнадежно вся страна была уже и больна и немощна и трухла, какъ вонючая, вздутая рыба, выброшенная случайно волной на берегъ и тамъ погибшая. Но некому было глаза всѣмъ открыть и уму разуму въ несчастіи поучить.

Звѣриная темнота была!

Оттого звѣриное и царство-государство было, точь въ точь такое, какъ и настоящее, проклятое и неправедное.

III

И хотя на весь свѣтъ сейчасъ это новое царство-государство гудитъ и шумитъ и бахвалится своими генералами и солдатами и министрами и самымъ наистаршимъ изъ нихъ съ хвостомъ въ три аршина, Ленинымъ, а болѣзни и моры эти,

голодъ и землетрясенія равныя еще сильнѣе загуляли по костлявой Руси неправославной, ставшей мачехой.

Тѣмъ не менѣе сельскій комиссаръ Афонька Еремѣевъ, идя въ музей, замѣнившій церковь, на митингъ со своимъ сынишкой Октябремъ, всякій разъ резонно поучалъ, указывая глазами на огромную агитъ-картину:

— Цѣлуй, сукинъ сынъ, въ хвостъ господа-бога!

И Октябрь послушно и въ засосъ цѣловалъ самаго наистаршаго въ хвостъ, богоотступника Ленина*).

— Кто ево знаетъ, авось какъ-нибудь и направитъ что-нибудь такое... этакое сознательное,— оправдывался потомъ Еремѣевъ. — Недаромъ на агитъ-картинѣ всѣхъ банкировъ и буржуевъ міра гонитъ къ самому Вельзевулу языкомъ поганымъ горячія сковороды лизать... Кто ево знаетъ?

IV

Многіе годы смотрятъ другіе народы на это царство, отъ сѣвера и до юга, отъ востока и до запада, большое государство, задумчиво качаютъ головами, попыхивая сигарами и трубками, и не могутъ рѣшить:

— Кто тутъ наибольшій дуракъ?
Тотъ-ли, кто хвостъ имѣетъ въ три аршина,
Иль тотъ, кто цѣлуетъ этотъ хвостъ
И вѣруетъ въ его божественную силу?

---

*) Автору въ 1922 году прислали изъ города Луганска агитаціонный плакатъ, на которомъ изображенъ былъ В. Ленинъ въ видѣ діавола съ рогами и хвостомъ, сопровождающій буржуевъ міра въ адъ.

ВАСЬКА

Васька, соменокъ, подвижной, хитрый, съ бородавкой на верхней губѣ, которая неизвѣстно почему дѣлала его похожимъ на мопса, имѣлъ укороченный хвостъ.

Какая-то хищная рыба, когда онъ совсѣмъ былъ маленькимъ, отгрызла ему часть хвоста и, такая его счастливая доля, этимъ и удовлетворилась. Рана зажила, образовался рубецъ, но хвостъ въ длину не пошелъ. И потому былъ Васька брюхатый, жирный, короткій, но по темпераменту ужасно игривый и веселый.

Всякій разъ, попавъ на базаръ въ бадью съ водой изъ баржи на Дунаѣ, гдѣ онъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ пойманъ сѣтями, имѣлъ постоянное свое мѣстопребываніе, Васька чувствовалъ себя превосходно.

Какъ природный акробатъ, Васька по началу обыкновенно дѣлалъ плавные круги въ бадьѣ, пугая и тормоша глупыхъ сазановъ, находившихся тутъ-же.

Васька глубоко презиралъ сазановъ за ихъ свинскій нравъ: постоянно зѣваютъ толстыми рылообразными ртами и безпрерывно ѣдятъ, ѣдятъ и ѣдятъ...

— Рыбы брюха, — возмущался онъ.

Самъ Васька, конечно, тоже не дуракъ былъ хорошо покушать, но дѣлалъ это онъ въ опредѣленные часы, когда его хозяинъ на баржѣ подкармливалъ кукурузной кашей пойманную имъ рыбу. Васька тогда не зѣвалъ, но большую часть времени все-же проводилъ въ гимнастикѣ и акробатическихъ, головокружительныхъ прыжкахъ и движеніяхъ.

Вотъ и сейчасъ, прогуливаясь по бадьѣ нѣсколько разъ, онъ неожиданно подскочилъ вверхъ и, мелькнувъ въ воздухѣ дугой, бурно зарылся въ воду.

— Ахъ ты, чортъ! — остановился пораженный покупатель, — здорово прыгаетъ... Почемъ килограммъ?

— Сорокъ динаръ, меньше никакъ нельзя, — отвѣчаетъ Урошъ Павловичъ, рыботорговецъ, весьма довольный Васькинымъ безпечнымъ поведеніемъ.

— Что вы, такая цѣна...

Покупатель хмурится.

— Дешевле никакъ нельзя... Такой животрепещущей рыбы, какъ у меня, во всемъ базарѣ не найдете.

И дѣйствительно, Васька, перевернувшись на спину и бѣлѣя толстымъ брюхомъ, сдѣлалъ такой лихой кругъ, что у покупателя засверкали глаза отъ удовольствія.

— Пожалуй, что и жирный? — задумчиво бросаетъ онъ.

— И не говорите!

Урошъ Павловичъ неопредѣленно машетъ рукой.

— Навѣрное съ молоками, какъ хорошій налимъ, — продолжаетъ, аппетитно облизываясь, покупатель.

— И не говорите, — вторично повторяетъ Урошъ Павловичъ и добавляетъ, — какъ молочный поросенокъ... Самъ его откармливалъ!

Васька тѣмъ временемъ перекувырнувшись головой внизъ схватываетъ зубами за хвостъ ка-

кого-то задремавшаго сазана. Тотъ бѣшено подскакиваетъ, поднимаетъ переполохъ и отъ движенія испуганной рыбы вода закипаетъ въ бадьѣ.

Само собой разумѣется, что расшалившійся Васька, кувыркаясь, за ловкость и удаль беретъ первый призъ.

— Это воистину рыба, — умиляется наконецъ таки покупатель. — А ну ка достаньте этого сoменка, я его посмотрю, — окончательно рѣшается онъ на покупку.

Урошъ Павловичъ не безъ труда ловитъ за жабры Ваську и подымаетъ.

Ворочая куцымъ хвостомъ съ краснымъ рубцомъ, Васька предобродушно смотритъ на покупателя своими малыми черными глазками и комично поводитъ усами надъ верхней губой съ большой бородавкой.

Но покупатель морщится и брезгливо заявляетъ:

— Онъ безъ хвоста и съ бородавкой... Не желаю!

Урошъ Павловичъ бросаетъ Ваську обратно въ воду и зло замѣчаетъ:

— Поросенокъ не по хвосту цѣнится, а бородавка на губѣ... чепуха! Зато жирнѣе соменка не найдете въ цѣломъ свѣтѣ...

И такъ было всякій разъ, какъ Васька попадалъ изъ баржи на базаръ.

Имъ всѣ восторгались въ водѣ, но когда вынимали и осматривали, то браковали и недовольно уходили.

Счастливый Васька, благодаря этому, всегда возвращался обратно на баржу на Дунаѣ и тамъ на просторѣ отдыхалъ до будущаго своего выступленія.

Иногда, черпая рыбу подсакомъ, Ваську не захватывали и онъ оставался въ баржѣ на свободѣ по нѣсколько дней подрядъ. О немъ даже забывали.

Но въ одно прекрасное время Васька опять

появился и, посмѣиваясь въ усы, Урошъ Павловичъ обычно говорилъ:

— Опять этотъ вертунъ съ бородавкой! Ничего, возьмемъ его на базаръ, быть можетъ сегодня и купятъ.

Но Ваську никто не покупалъ, и онъ съ другой непроданной рыбой обыкновенно возвращался утомленный, голодный, но неизмѣнно веселый, на свою любимую баржу.

Такъ все время было до того, на всю жизнь памятнаго для Васьки, утра, когда на баржѣ появились русскій ростовщикъ и спекулянтъ Кащеевъ съ женой.

Оба были безобразны, въ морщинахъ, особенно она съ носомъ хищной птицы, тонкими поджатыми губами и подстриженной желто-сѣрой косой.

Въ этихъ двухъ, уже полуразвалившихся живыхъ трупахъ, поражали одни глаза: злые, жадные, ненасытные.

Противно причмокивая беззубымъ ртомъ, Кащеевъ обратился къ Урошу Павловичу:

— Нѣтъ-ли у васъ не дорогой, бракованной рыбы?

— Какъ это бракованной? — удивился тотъ.

— Ну, не живой, которая уже уснула... Разница вѣдь между рыбкой живой и рыбкой уснувшей въ цѣнѣ, мы думаемъ, большая.

— Это вы за дохлую рыбу, — понялъ, наконецъ, Урошъ Павловичъ, — хорошо, посмотримъ!

Дѣйствительно, всякое утро въ баржѣ выплывали дохлыя рыбы, которыхъ никто не покупалъ и которыхъ приходилось выбрасывать.

На этотъ разъ ни одной дохлой рыбы въ баржѣ не оказалось.

— Жаль, нѣтъ ничего, — сказалъ Урошъ Павловичъ и вдругъ что-то вспомнилъ и улыбнулся.

— Впрочемъ постойте, — оживился онъ, — есть у меня одинъ соменокъ килограмма въ два, не

больше, жирный, но, знаете, безъ хвоста и съ бородавкой. Такъ вотъ, если желаете, я его поймаю и продамъ по дешевкѣ, какъ бракъ.

Кащеевы оживились и въ глазахъ ихъ усилилась жадность.

— Это ничего, Соня, — боязливо и неувѣренно прошамкалъ мужъ, — что безъ хвоста, остается еще туловище и голова.

— Ну да, ничего, Гриша! Бородавку мы просто вырѣжемъ съ корнемъ... А помнишь, какъ въ Юзовкѣ я одинъ разъ цыплятъ купила побитыхъ градомъ. Дуракъ мужикъ смѣялся, а они оказались вкуснѣе живыхъ и достались намъ почти задаромъ.

Кащеевъ изобразилъ на своемъ лицѣ угодливую улыбку и подобострастно захихикалъ.

Видно было, что главой дома была Соня, а онъ только покорный, старый, вылинявшій и дурно пахнущій, песъ.

— Покажите!

Урошъ Павловичъ зачерпнулъ сачкомъ и такое уже выдалось счастье для Васьки, что первымъ попавшимся оказался онъ самъ собственной персоной.

— На ловца и звѣрь бѣжитъ, — обрадовался Урошъ Павловичъ и, поймавъ Ваську за жабры, поднесъ его къ самому крючковатому совиному носу Сони.

Потряхивая большой стриженной головой на тонкой увядшей шеѣ, та впилась острымъ взоромъ въ толстый Васькинъ животъ и отъ удовольствія чмокнула и быстро спохватилась.

— Сколько? — стараясь быть равнодушной, спросила она.

— Тридцать динаръ килограммъ, на десять динаръ дешевле нормальной цѣны, — отвѣтилъ Урошъ Павловичъ.

— Тридцать? — истерично взвизгнула Соня, — вы грабитель!

— Тридцать? — хрипѣлъ Кащеевъ. — Васъ

надо въ полицію... это за сома безъ хвоста и съ бородавкой такія деньги?

Урошъ Павловичъ, держа въ рукахъ недоумѣвающаго Ваську, смотрѣлъ то на старика, то на старуху и не могъ понять ихъ поведенія. Онъ назначилъ самую добросовѣстную цѣну и ожидалъ благодарность, а не этотъ визгъ и брань.

— Вы, братья русы, — обидѣлся онъ, — или покупайте, или идите себѣ домой, а ругать меня не за что, и полиціи я не боюсь. Этотъ соменокъ Васька мой и я ему господинъ, а не вы: захочу продамъ, захочу въ Дунай на свободную жизнь брошу... Вы поняли?

— Въ Дунай? — злобно и алчно перекосила свое сатанинское лицо Соня. — Это все равно, что деньги бросить... Не имѣете права!

— Конечно, не имѣете права, — возмущался Кащеевъ, причемъ въ горлѣ у него что-то урлыкало и булькало, какъ если-бы тамъ безпрерывно лилась вода. — Это только большевики въ Россіи выбрасывали цѣнности въ море... Я вамъ за него сейчасъ, и вѣшать не надо, двадцать динаръ дамъ, а вы въ Дунай... Буракъ вы, вотъ что!

— Самъ ты дуракъ и большевикъ, старый чортъ! — разсвирѣпѣлъ Урошъ Павловичъ.

И размахнувъ энергично рукой бросилъ далеко Ваську въ Дунай.

— Вонъ съ моей баржи, не желаю съ вами разговаривать! — накинулся онъ на Кащеевыхъ и сжалъ огромные жиловые кулаки. Морду набью! Вонъ!

Тѣ испугались и, переругиваясь, поспѣшно ушли.

А Васька долго еще крутился возлѣ любимой баржи, пока не понялъ, что онъ свободенъ и не оцѣнилъ во всемъ величіи значеніе этого магическаго слова — свобода!

ПРОФЕССОРЪ СВЕТИЧЪ

I

Каждое воскресенье, аккуратно въ семь часовъ утра, знаменитаго профессора Светича видѣли на вокзалѣ большого университетскаго города, съ ученымъ дѣловымъ видомъ спѣшившаго на курьерскій поѣздъ, пролетавшій въ это время на линіи: „Парижъ - Царьградъ“.

На святительскомъ, иконостасномъ его лицѣ, окаймленномъ апостольской пушистой бородой, всегда блуждала гримаса нетерпѣнія.

— Поѣздъ не опаздываетъ? — торопливо на ходу спрашивалъ онъ знакомаго швейцара.

— Пожалуйте, готовъ! — обычно привѣтствовалъ тотъ и, широко распахнувъ двери на перронъ, учтиво пропускалъ и кланялся.

Профессоръ Светичъ, въ водоворотѣ шумящаго муравейника людей, легко, не по годамъ, спѣшилъ къ синему вагону стоявшаго экспресса.

Занявъ мѣсто, весь мокрый, вспотѣвшій, онъ съ неподдѣльно блаженною улыбкой самъ себѣ шепталъ:

— Сейчасъ поѣду. Наконецъ таки, поѣду.

Сегодня въ пузатомъ портфелѣ профессора

Светича, который онъ держалъ подмышкой, былъ молодой соменокъ, кила въ три, свернутый трубой.

И хотя прошло больше часа, какъ онъ на базарѣ изъ садка попалъ въ портфель, но еще дышалъ и шевелилъ хвостомъ.

— Лучше-бы не покупалъ, — огорченно думалъ профессоръ и смущенно смотрѣлъ по сторонамъ.

— Извѣстный ученый... Всѣ знаютъ... И въ портфелѣ не лекціи, а, смѣшно сказать, глупая рыба... А все эта мадьярка Розика виновата: уши проѣла — привези живого сома... Темпераментная дѣвочка! Огонь и искры, искры и искры...

Профессоръ Светичъ при этомъ воспоминаніи весь просвѣтлѣлъ и его апостольская борода зашевелилась и лихо потянулась къ носу. Притихшій было соменокъ, вновь запрыгалъ, отъ чего портфель хлопалъ и шевелился, какъ живой.

— Осрамилъ, паадлецъ! — побагровѣлъ весь профессоръ Светичъ и со всей силой прижалъ къ себѣ портфель.

Но было уже поздно.

Сидѣвшая противъ него на мягкомъ бархатномъ диванѣ старая толстая дама заволновалась. Съ неподдѣльнымъ испугомъ поглядывая то на портфель, то на профессора, она прерывающимся голосомъ спросила:

— Господинъ змѣй возитъ въ портфелѣ?

— Нѣтъ, успокойтесь, рыбу... соменокъ живой... Знаете ѣду въ монастырь, такъ вотъ монахамъ въ подарокъ...

Довольный своей находчивостью, профессоръ Светичъ поставилъ портфель на сѣтку и съ удовольствіемъ вытянулъ ноги въ желтыхъ модныхъ ботинкахъ.

Одѣтъ онъ былъ элегантно и со вкусомъ.

Пушистая борода испускала изъ себя запахъ моднѣйшихъ парижскихъ духовъ, а въ глазахъ играли огоньки нетерпѣнія, затаенной страсти и жажды наслажденій.

Толстая дама, внимательно осмотрѣвъ его молодцеватую фигуру, недовѣрчиво покачала головой.

— Въ монастырь? Но господинъ такъ не похожъ на игумена и монаха...

— Вы правы, мадамъ, — весело отвѣтилъ онъ, — я — профессоръ университета и всякое воскресенье уѣзжаю въ монастырь помолиться Богу, ибо не люблю людского шума и показного благочестія въ роскошныхъ городскихъ храмахъ... Да вотъ я и пріѣхалъ!

Онъ схватилъ свой портфель и, кивнувъ головой толстой дамѣ, быстро вышелъ изъ вагона.

II

Монастырь, о которомъ сейчасъ говорилъ Светичъ, въ дѣйствительности оказался роскошной виллой съ чарующимъ зеленѣющимъ паркомъ и фантастическими аллеями всевозможныхъ рѣдкихъ сортовъ розъ, испускающихъ дивный ароматъ.

Вилла эта живописно выдѣлялась среди однообразныхъ, сожженныхъ солнцемъ, полей, на половину уже убранныхъ крестьянами.

Станція была глухая, маленькая, но носила почему-то названіе одной восточной страны.

Профессоръ Светичъ, никѣмъ не замѣченный, торопливо шагалъ по узкой тропинкѣ среди кукурузнаго поля, идя напрямикъ къ виллѣ.

На лицевой сторонѣ ея золотыми буквами было написано: „Вилла Роза“.

— На виллѣ „Роза“ ждетъ меня Роза, — шаловливо думалъ дорогой профессоръ Светичъ и съ любовью прижималъ къ себѣ портфель съ соменкомъ.

По мѣрѣ приближенія къ виллѣ, онъ безсознательно ускорялъ свой шагъ и, отворивъ желѣз-

ную калитку, почти бѣжалъ по главной аллеѣ къ дому.

Тамъ его, очевидно, ждали.

На балконѣ распахнулись двери, и тотчасъ-же появились три прехорошенькихъ дѣвушки-подростки. Онѣ весело махали руками и отъ удовольствія визжали.

— А сома привезъ? Папочка, привезъ намъ сома?

Рыжеволосая, огненная мадьярка Роза, нахмуривъ брови и сверкая карими глазами, самая младшая изъ трехъ, угрожающе кричала ему внизъ:

— Если не привезъ сома, то я тебѣ, чортъ, всю бороду вырву...

Но профессоръ Светичъ, торжествующе потрясая портфелемъ, подымался уже по мраморной лѣстницѣ къ нимъ.

Встрѣча была радостная.

Всѣ три дѣвушки ринулись ему на шею и звонко цѣловали. Какъ тѣнь за ними стояла толстая, старая дама, очень похожая на ту, которую профессоръ оставилъ въ вагонѣ.

Она угодливо улыбалась и ожидала распоряженій.

— Вотъ вамъ, Каролина Адамовна, рыба, сомъ, — сказалъ профессоръ, передавая портфель, — распорядитесь приготовить... Вчера былъ кто-нибудь?

— Былъ фабрикантъ Божичъ... — сладко начала та.

— И подъѣзжалъ ко мнѣ, — перебила ее мадьярка Роза, — но я ему натянула носъ... Мало ему Вѣрочки... Бегемотъ паршивый...

Бѣлокурая Вѣрочка съ голубыми большими глазами, какъ вода на Невѣ, гдѣ она родилась, лукаво опустила пушистыя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ мелькнула хитрая усмѣшка.

— Правда? — нахмурился профессоръ Светичъ.

— Гм... какъ сказать, — закашлялась Каролина Адамовна. — Изволили шутить!

— Хороши шутки, — вставила третья, жгучая брюнетка, худенькая, но съ развитыми бедрами и красивой грудью. — Разорвалъ на Розикѣ все платье... Хорошо, что былъ мой скифъ Владиміръ и отбилъ!

— А этотъ русскій инженеръ тоже былъ?

— Былъ, они теперь съ Божичемъ будутъ строить новую фабрику, — пояснила Каролина Адамовна и поспѣшила выйти распорядиться по хозяйству...

III

На другой день университетскій большой актовый залъ былъ переполненъ публикой.

Собрались студенты и студентки почти всѣхъ курсовъ слушать очередную очень интересную лекцію „о проституціи" знаменитаго профессора Светича.

И когда онъ поднялся на каѳедру, величественный въ своей старости, съ огромной пушистой бородой, отъ которой сегодня пахло ладаномъ и васильками, съ вдумчивыми, запавшими глазами, подъ которыми синѣли круги воздержанія и аскетизма, раздался бурный громъ рукоплесканій.

Въ отвѣтъ на этотъ восторгъ молодежи блеснула на блѣдномъ уставшемъ лицѣ профессора Светича благодарственная улыбка, и онъ поднялъ руку.

Одинъ мигъ, и наступила гробовая тишина.

И тогда онъ началъ своимъ звучнымъ, гармоничнымъ голосомъ, словно чеканя:

— Господа! Основа всякой нормальной, государственной жизни есть нравственность... На ней зиждется наша семья... Лучшія свойства человѣческой природы и ея порывы къ чему - то высшему, небесному... ея всѣ идеалы имѣютъ въ основѣ чи-

стоту и неиспорченность не только духа, но и тѣла... Въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ! ..

И когда онъ окончилъ свою блестящую лекцію, то онѣмѣвшая отъ восторга аудиторія, долго, словно подъ гипнозомъ, не двигалась съ мѣста и даже тогда, когда скромно удалился знаменитый профессоръ Светичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Того же автора:

МУЧЕНІЯ ПРАВДЫ, очерки.

ТРИ ВСТРѢЧИ, раз.

Готовится къ печати:

ЖИТІЕ, романъ.

